

Пойма

Автор:

Джо Лансдейл

Пойма

Джо Р. Лансдейл

Звезды детектива (АСТ)

Великая депрессия, Восточный Техас. Молодой Гарри Коллинс и его сестра случайно обнаруживают чудовищно изувеченный труп женщины, оставленный в низовьях реки. Вскоре в городе находят еще одно тело, а потом еще одно, и люди паникуют, считая, что где-то поблизости бродит опасный безумец. Гарри начинает собственное расследование, ведь он считает, что эти убийства как-то связаны с байками о получеловеке-полукозле, странном существе, которое, по преданиям, обитает недалеко от того места, где обнаружили тело первой жертвы. И вскоре Гарри поймет, что правда куда страшнее любой легенды, а убийца подбирается все ближе к его семье.

Джо Р. Лансдейл

Пойма

Эта книга посвящается памяти моих любимых родителей – А. Б. (Бада) Лансдейла и О’Реты Лансдейл. Они пережили Великую депрессию и несколько экономических кризисов, безропотно терпели нелегкие времена, занимаясь тяжким трудом. Хотелось бы, чтобы было больше таких, как они

THE BOT TOMS © 2000 by Joe R. Lansdale

© Евгений Романин, перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог

Нынче новости распространяются быстро, не то что раньше. А в старину было совсем не так. Ни тебе радио, ни газет. Уж точно не у нас в Восточном Техасе. Всё было по-другому. Если случалось что в другом округе, так только там об этом чаще всего и знали.

Не то чтобы нам было не важно, что происходит в мире, но мы были избавлены от необходимости знать об ужасных событиях, которые лично нас не касались, – хоть где-нибудь в Билджуотере, в штате Орегон, хоть на другом конце нашего штата – на западе, в Эль-Пасо, или на севере, в богом забытом городке Амарилло.

Нынче для того, чтобы знать все кровавые подробности какого-нибудь убийства, многого не требуется: достаточно лишь того, чтобы оно было жутким или чтобы неделя была небогата на происшествия, – и вот о нём трубят из каждого утюга, даже если убили какого-нибудь бакалейщика в штате Мэн, до которого нам нет никакого дела.

Тогда, в тридцатые годы, кровопролитие могло случиться хоть в соседнем округе – а вы бы так о нём и не услышали, если только не были сами к нему причастны, потому что, как уже говорилось, новости тогда передавались медленнее, а органы правопорядка старались решать вопросы своими силами, не привлекая сторонних лиц.

С другой стороны, в некоторых случаях было бы лучше, если бы вести распространялись быстрее, да и вообще хоть как-нибудь. А впрочем, может, ничего бы от этого не поменялось.

Однако что было, того не переделаешь; сейчас мне за восемьдесят, я лежу в доме престарелых, в комнате, пропитанной запахом моего собственного

разлагающегося тела; жду, чтобы мне принесли хоть чего-нибудь пожевать – толченого, мелко рубленного и безвкусного; в голень у меня вставлен железный штырь, а по ящику крутят какие-то теледебаты: одни придурки собачатся с другими придурками – и вот даже сейчас у меня сохраняются воспоминания почти семидесятилетней давности, и они свежи, словно случилось всё не далее как вчера.

А случилось-то всё, как сейчас помню, в тысячу девятьсот тридцать третьем и тридцать четвёртом.

Часть первая

1

Наверно, были в те годы и такие люди, у которых водились деньги, только вот мы в их число не входили. На дворе как-никак стояла Великая депрессия. Да и будь мы из тех, что с деньгами, купить-то на них было, по сути, нечего, кроме свиней, кур, овощей и кое-каких товаров повседневного спроса, а учитывая, что первые три пункта мы сами выращивали на ферме, бывало у нас и всё остальное, необходимое для жизни, – порой мы получали его в обмен.

Папа фермерствовал, а наши края были не так уж плохи для земледелия. Почти весь север и запад Техаса вместе с Оклахомой выдувало тогда ветрами, однако Восточный Техас покрывала пышная растительность, и почвы были богаты, и дождей вдоволь, так что росло всё быстро и особого ухода не требовало. Даже в засуху почва чаще всего сохраняла кое-какую влагу, и если урожай выдавался не таким обильным, как ожидалось, всё ещё могло наладиться. По сути, пока весь остальной штат изнывал от суши и пыли, на Восточный Техас, бывало, обрушивались жуткие ливни, а то и паводки. Так что если и теряли мы когда урожай, то чаще не из-за сухой погоды, а из-за чрезмерно влажной.

Также папа держал парикмахерскую и сам же работал там всю неделю, кроме воскресенья и понедельника, а ещё служил в нашей округе констеблем, потому

что никто больше не пожелал занять эту должность. Одно время был он вдобавок и мировым судьёй, но в итоге решил, что для него одного это слишком, и передал судейское место Джим-Джеку Формозе; папа всегда говорил, что Джим-Джек гораздо лучше справляется с регистрацией браков и констатацией смертей.

Жили мы в чаще леса у реки Сабин в трёхкомнатном белом домике – построил его папа ещё до нашего рождения. Электричества в домике не было, зато имелась дыра в крыше, дымная дровяная плита, ветхий амбар, застеклённая веранда за латаной-перелатаной ширмой да сортир, в который нередко заползали змеи.

Мы жгли керосиновые лампы, таскали воду из колодца, много охотились и рыбачили, чтобы наполнить чулан чем-нибудь съестным. Во владении у нас находилось акра четыре расчищенной от леса земли, а ещё двадцать пять акров поросли сосной и всевозможными твёрдыми породами деревьев. Песчаную почву четырёх расчищенных акров возделывали мы при помощи мула по прозвищу Салли Рыжая Спинка.

Был у нас и автомобиль, но пользовался им папа главным образом по должностным нуждам и для воскресных поездок в церковь. Всё остальное время мы ходили пешком, а я с сестрой ездили верхом на Салли Рыжей Спинке.

В лесу, который рос на нашей земле, и в том, что рос на сотни акров вокруг, было полно дичи и до чёрта клещей, зудней и прочих разных кровососов. В то время в Восточном Техасе ещё не все большие леса свели на древесину, и не было над нами тогда не в меру прогрессивного Департамента лесного хозяйства, который бы рассказывал нам, что без посторонней помощи лес не выживет. Мы как-то сами прикинули: уж если он жил веками без нас, то как-нибудь и дальше сам разберётся. К тому же тогда лес был по большей части ничейный, хотя, конечно, деревообработка уже в то время являлась крупной отраслью и становилась всё крупнее.

Однако по-прежнему стояли в лесу могучие деревья, и по-прежнему хватало в чаще и вдоль прохладных и тенистых речных берегов укромных местечек, куда никто ещё не ступал, помимо диких зверей.

Там водились в изобилии кабаны, белки, кролики, еноты, опоссумы, броненосцы, а также всевозможные птицы и многочисленные змеи. Порой можно было увидеть, как по реке косяком проплывают водяные щитомордники – их смертоносные головы торчали из брёвен, будто сучья. И горе тому несчастному, которому не повезло упасть в воду и потревожить их стаю; и храни господь безрассудное сердце того дурака, что верил, будто сможет невредимым проплыть под ними, потому что водяной щитомордник якобы не может укусить под водой. Не только может, но с удовольствием укусит.

Встречались в лесах и олени. Может, было их и поменьше, чем нынче, потому как в наши дни их разводят, словно на ферме, и собирают олений урожай во время трёхдневной пьяной стрельбы с охотничьей вышки, да из ружья помощнее. Этим оленей откармливают кукурузой и приучают к человеку, как домашних питомцев, а люди могут пострелять себе вволю да почувствовать азарт, будто побывали на настоящей охоте. Как ни крути, а всё же сложнее подстрелить оленя, дотащить тушу до багажника и водрузить голову на стену, чем сходить в магазин и купить такое же количество бифштекса. А ведь есть ещё такие, кто любит мазать лица звериной кровью и позировать на камеру, будто это делает их кем-то вроде бесстрашных воинов. Можно подумать, проклятый олень был вооружён и опасен.

Но что-то я увлёкся нравоучениями, надо бы вернуться к рассказу. Речь-то шла о том, как мы жили и что за дичь водилась в дебрях. Так вот, был ведь там ещё Человек-козёл. То есть наполовину человек, а наполовину козёл, и рыскал он обыкновенно в окрестностях моста, который назывался Шатучим. Вплоть до времени, о котором я вам рассказываю, я его никогда не видел, но пару раз ночной порой выслеживал в лесу опоссумов и вроде бы слышал, как он стонет и завывает там внизу, у канатного моста – мост этот опасно нависал над рекой и колебался от ветра при свете луны, а блики играли на металлических тросах, словно феи на качелях.

Верили, что этот Человек-козёл якобы похищает домашних животных и детей, и хоть сам я не знал ни одного ребёнка, которого бы он съел, иные фермеры заявляли, будто бы он таскает у них скотину, а среди знакомых мне ребят некоторые божились: утащил, мол, Человек-козёл у них двоюродных братьев, и с тех пор о них ни слуху ни духу.

Говорили, что за большую дорогу он не заходит, потому что по ней часто гоняют туда-сюда – на машине или же пешком – заезжие баптистские проповедники, из-

за чего дорога вроде как и сама становится святым местом. За это дело прозвали мы её Пасторской дорогой.

Поговаривали также, что Человек-козёл не кажет носа из дебрей, которыми заросла вся пойма реки Сабин. Якобы возвышенностей не переносит. Мол, с его-то копытами – а на ногах у него, ясное дело, копыта – передвигаться ловчее всего по влажному и густому растительному месиву.

Папа говорил – никакого Человека-козла не существует. Это, мол, бабьи сказки, какие можно услышать по всему Югу. Говорил, будто то, что слышал я, – всего лишь звуки воды и голоса зверей и птиц, но, доложу я вам, от этих звуков по спине бежали мурашки, а больше всего напоминали они и в самом деле бляение раненой козы. Мистер Сесиль Чеймберс, который работал вместе с папой в парикмахерской, сказал, что это, по всей видимости, был ягуар. Они временами попадают в лесных дебрях, а их крики могут сойти за женский вопль – так сказал мистер Чеймберс.

Мы с сестрой, которую звали Том – ну, вообще-то Томасина, но все мы кликали её Томом, потому что так было проще запомнить и потому что она была настоящей пацанкой, – так вот, мы с самого утра и до темноты пропадали в этих дебрях. Для тогдашних детей в этом не было ничего необычного. Лес нам был всё равно что вторым домом.

Был у нас пёс по имени Тоби – помесь гончей, терьера и дворняги. Охотником этот шельмец был отменным. Только вот летом тысяча девятьсот тридцать третьего встал он как-то раз на дыбы под деревом, чтобы ловчее было облаивать выслеженную белку, а у дуба, под которым он встал, отвалилась сгнившая ветка и упала прямо на пса, да так крепко его огрела, что у Тоби взяли да отнялись задние лапы вместе с хвостом. Нёс я его домой на руках – пёс скулил, а мы с Том плакали.

Папа был в поле, пахал на Салли Рыжей Спинке и пытался подрить плугом пень, который всё никак не выходило выкорчевать. То и дело пробовал он подрубить его топором у корневища да спалить на костре, но пень был упрям и не поддавался.

Увидев нас, папа прервал пахоту, сбросил с плеч поводья, оставил Салли Рыжую Спинку стоять в поле запряженной в плуг. Пошёл через поле нам навстречу, а

мы поднесли ему Тоби, уложили перед ним на рыхлую свежевспаханную почву, и папа осмотрел собаку.

В отличие от большинства фермеров, папа почти никогда не носил комбинезона. Одевался всегда в защитного цвета штаны, рабочую рубашку, рабочие башмаки и коричневую фетровую шляпу. Если же хотел принарядиться, облачался в чистую белую рубашку и повязывал тонкий чёрный галстук, а остальной наряд составляли всё те же защитные штаны да рабочие башмаки – разве что шляпа тоже менялась на менее потрёпанную.

В тот день он снял пропитанную потом шляпу, присел на корточки и нахлобучил шляпу себе на колено. Волосы у папы были тёмно-каштановые, а в лучах солнца можно было заметить в них первые проблески седины. У него было слегка удлинённое лицо и светло-зелёные глаза – добрые, но глядящие, как казалось, прямо в душу и видящие тебя насквозь.

Папа так и сяк подёргал Тоби за лапы, попытался выпрямить ему спину, но на это пёс лишь жалобно взвыл.

Немного погодя, словно бы прикинув все за и против, папа велел нам с Том взять ружьё, отнести несчастного Тоби в лес и положить конец его мукам.

– Не хотелось мне вас о таком просить, – сказал папа. – Только хошь не хошь, а придётся.

– Будет сделано, – ответил я, но слова с трудом выползали из горла, словно бы им, как и Тоби, перешибло хребет.

По нынешним временам это жестоко, но тогда в наших краях небогато было ветеринаров, да и не хватило бы у нас денег, захоти мы отдать пса на лечение. К тому же всё, что сделал бы ветеринар, мы собирались сделать и сами.

Что ещё отличало тогдашнюю жизнь от теперешней – о том, что такое смерть, узнавать приходилось довольно рано. Этого было не избежать. Мы разводили и резали кур и свиней, охотились и рыбачили, так что постоянно сталкивались со смертью. В таком разе, думается, мы уважали жизнь сильнее, чем иные уважают её теперь, и обрекать собаку на бесплодные страдания было никак нельзя.

В деле, подобном случаю с Тоби, ожидалось, что ты исполнишь всё сам, а не станешь сваливать ответственность на других. Негласно, но чётко понималось, что Тоби – это наш пёс, а значит, мы за него и в ответе. И раз уж на то пошло, то это была моя прямая ответственность, потому что я был старше.

Подумал было я обратиться к маме – она собирала в курятнике снесённые с вечера яйца, – но ведь знал, что это ничего не даст. Мама всё равно будет того же мнения.

Мы с Том немного поплакали, а потом выкатили из амбара тачку и уложили на неё Тоби. У меня уже был свой собственный двадцать второй калибр для охоты на белок, но для такого дела пошёл я в дом и вместо него взял однозарядный дробовик шестнадцатого калибра, чтобы совсем уж уменьшить страдания. Дети по тем временам росли рядом с ружьями, с малых лет учились относиться к ним с почтением и обращаться с ними надлежащим образом. Ружьё было для нас столь же обычным предметом, как мотыга, плуг или маслобойка.

Ответственность или не ответственность, но всё-таки мне едва исполнилось двенадцать, а Том – так и вовсе девять. Мысль о том, что придётся вот так запросто выстрелить Тоби в затылок и смотреть, как осколки его черепа разлетаются во все стороны, меня нисколько не радовала. Я велел Том оставаться дома, но она отказалась. Заявила, что пойдёт со мной. Знала ведь, что мне нужен кто-то, чтобы помочь собраться с духом. Так что я не особенно старался её отговаривать.

Том прихватила с собой лопату – хоронить Тоби, – закинула её на плечо, и мы покатали старого пса по дороге; он поначалу поскуливал и тому подобное, но потом затих. Лежал себе смирно в тачке, а мы толкали её по тропинке: спина у Тоби слегка выгнулась, а голову он поднял и всё принюхивался.

Вскоре он стал принюхиваться всё старательнее, и мы поняли – почуял белку. Тоби всегда по-особому оборачивался и смотрел на нас, когда чуял белку, а потом указывал головой в том направлении, куда хотел бежать, взлаивая своим густым собачьим басом. Папа говорил, так Тоби даёт нам знать, откуда исходит запах, прежде чем мы потеряем его из виду. Ну вот, именно так он и обернулся, и я знал, что? мне, по идее, надо с ним сделать, но решил пока сохранить голову Тоби в целости.

Мы устремились туда, куда он рвался, и довольно скоро оказались на узкой тропке, усыпанной сосновой хвоей. Тоби надрывался как бешеный. Наконец мы подкатали тележку вплотную к дереву гикори.

На ветвях у вершины резвились две крупные жирные белки – будто бы дразнили нас. Я подстрелил обеих и швырнул в тачку к Тоби, и провалиться мне на этом самом месте, если он тут же не подал знака и не залаял снова.

Непросто было толкать тачку по комковатой земле, но мы всё же толкали, совсем позабыв о том, что должны сделать с Тоби.

К тому времени, как Тоби перестал нападать на беличий след, уже почти стемнело, а мы забрались глубоко в чащу с шестью белками – неслыханный успех! – и вконец умотались.

Хоть Тоби и стал калекой, а я не видал ещё, чтобы он охотился лучше. Похоже, Тоби знал, что его ждёт, и пытался оттянуть неизбежное, загоняя добычу.

Уселись мы под большим старым амбровым деревом, а Тоби оставили в тачке вместе с белками. Солнце садилось за деревья, будто крупная, мясистая перезревшая слива, вот-вот готовая лопнуть. Вокруг нас, точно смутные человеческие фигуры, отовсюду поднимались тени. Охотничьего же фонаря у нас не было. Только луна, а она ещё не взошла как следует.

– Гарри, – сказала Том. – Как будем с Тоби?

– А ему вроде уже и нисколько не больно, – ответил я. – Вон, целых шесть белок загнал.

– Ага, – кивнула Том, – но спина-то у него ещё переломана.

– Есть такое.

– Может, спрячем его где-нибудь тут в лесу, будем каждый день к нему приходить, кормить и поить.

– Не думаю. Так он останется на произвол судьбы. Тут его чёртовы клещи и прочие кровососы заживо сожрут. – Об этом я подумал, потому что по всему телу ощущал укусы и знал, что перед сном придётся некоторое время просидеть у лампы со щипцами – поковырять их отовсюду, принять керосиновую ванну, затем ополоснуться водой. Летом мы с Том проделывали этот ритуал чуть ли не каждый вечер.

И правда, клещей было так много, такими гроздьями скапливались они на концах травинок, поджидая добычу, что травинки гнулись под их весом. В лесу кишмя кишела кусачая мошкара, особенно если подойти к реке, а голодным зудням не было счёта. А иной раз на закате в воздух поднимались такие комариные полчища, что, казалось, из поймы вырастает чёрная туча.

Чтобы уберечься от клещей, мы обвязывали вокруг лодыжек пропитанные керосином тряпки, только не сказать чтобы это особо работало, разве что сами эти тряпки паразиты действительно не трогали. Клещи пробирались на одежду, а там и под неё и к ночи уютно обустроивались в самых интимных уголках тела – упивались там кровью и оставляли красные волдыри.

– Темнеет, – сказала Том.

– Вижу.

Я посмотрел на Тоби. Он лежал в тачке, и в сумраке его было видно только частично. Пока я смотрел, пёс приподнял голову и пару раз ударил хвостом по деревянному днищу тележки.

– Вряд ли я на такое решусь, – говорю я. – По-моему, надо отвезти его назад, к папе, да показать, насколько ему лучше. Может, спина у него и переломана, но головой он двигает, а теперь ещё и хвостом, так что весь целиком пока что не умер. Не надо его убивать.

– А ну как папа не согласится?

– Может, и нет, но нельзя же просто взять его да пристрелить, даже не дать последнего шанса. Чёрт возьми, да ведь он шесть белок загнал! Вот мама-то порадует! Отвезём его домой!

Мы встали и собрались идти. И вот тут-то поняли, что случилось. Мы заблудились. Так увлеклись всей этой погоней за белками, следуя указаниям Тоби, что забуровились в самую глушь и перестали понимать, где находимся. Нет, мы, конечно, не испугались, во всяком случае вот так вот сразу. Мы всю жизнь бродили по этим лесам, но сейчас стемнело, а непосредственно то место, куда мы попали, было нам незнакомо.

Луна взошла немного выше, и я смог определить стороны света.

– Вон туда нам надо, – объявил я. – Так или иначе выйдем или к дому, или к дороге.

Мы двинулись в путь, толкая тачку, спотыкаясь о корни, рытвины и упавшие ветки, при этом то тележка, то мы сами то и дело врезались в деревья. Было слышно, как природа вокруг нас живёт своей жизнью, и я вспомнил, что говорил Сесиль насчёт ягуаров, а ещё подумал про диких свиней: не встретится ли нам какой-нибудь кабан, ищущий жёлуди в земле? Вспомнился также ещё и вот какой рассказ Сесилия: на этот год, мол, выдалась вспышка бешенства, и многие звери подхватили эту заразу; от всех этих мыслей я так встревожился, что пощупал карман – остались ли там ещё патроны для дробовика. патронов осталось ровно три штуки.

Чем дальше мы шли, тем больше рядом в зарослях что-то шевелилось, и немного погодя я понял: что бы там ни было, оно движется с нами вровень. Мы замедлялись – и оно замедлялось. Мы ускоряли шаг – и оно ускоряло шаг. И не так, как животное, и даже не как плетевидный полоз, который иногда увязывается за человеком. Это было что-то покрупнее полоза. Шло по нашему следу, как ягуар. Или как человек.

Мы шли дальше, а Тоби вскидывал голову и рычал; шерсть у него на холке встала дыбом.

Я оглянулся на Том, и лунного света, проникающего сквозь ветки, как раз хватило, чтобы различить её лицо и увидеть, как она перепугалась.

Хотел я что-нибудь сказать, прикрикнуть на существо, что таилось в кустах, но побоялся, что мой крик может его, наоборот, привлечь, и тогда оно на нас кинется.

Чуть раньше я в целях безопасности отстегнул у дробовика ствол, сложил в тачку и толкал его вместе с Тоби, лопатой и белками. Теперь я остановился, вынул дробовик, проверил, на месте ли патрон, защёлкнул затвор и положил большой палец на курок.

Тоби уже не на шутку расшумелся, от рычания перешёл на лай.

Я глянул на Том, она забрала у меня тачку и стала толкать. Было видно, что ей непросто управлять тележкой на такой рыхлой земле, но у меня не было другого выбора, кроме как вцепиться обеими руками в ружьё, а Тоби мы бросить не могли – слишком уж многое мы вместе с ним пережили.

Что бы это ни скрывалось там в кустах, некоторое время оно шло за нами, только еле слышно шуршали листья, по которым оно ступало, а потом стало тихо. Мы набрали скорость, и больше его было не слышать. Не ощущалось также никакого чужого присутствия.

Я наконец набрался храбрости, снова отцепил ствол от дробовика, сложил в тачку и принялся толкать.

– Кто это был? – спросила Том.

– Не знаю, – говорю я.

– По звуку – кто-то большой.

– Это да.

– Человек-козёл?

– Папа говорит, нету никакого Человека-козла.

– Да, но ведь он же иногда ошибается, правда же?

– Да почти никогда, – отвечаю я.

Мы продвинулись ещё немного, нашли место, где речка сужалась, и перешли на другой берег, еле управившись с тачкой. Переходить реку нам было незачем, но это было удобное место для переправы, ну а я был напуган и хотел оторваться от неведомого существа.

Шли мы довольно долго и в конце концов набрели на какие-то колючие заросли: они переплетались между деревьев, кустов и лиан в неприступную шипастую стену. Стена эта состояла из дикого шиповника. Некоторые побеги были толстенные, что твой канат, шипы – совсем как крючковатые когти, а цветы под дуновением ночного ветерка пахли сильно и сладко, почти так же сладко, как пахнет при варке сорговый сироп.

Тянулся чапыжник сколько хватало глаз в обоих направлениях и обступал нас со всех сторон. Мы забрели в настоящий шипастый лабиринт – слишком обширный и густой, чтобы идти в обход, слишком высокий и когтистый, чтобы перелезть; вдобавок побеги шиповника сплелись с низко нависшими ветвями, образовав над нами колючий потолок.

Подумал было я про братца Кролика и терновый куст, но я-то, в отличие от братца Кролика, родился и вырос не под терновым кустом, и оказываться в нём мне совсем не хотелось бы.

Порылся в кармане, нашёл спичку – осталось ещё с того раза, когда мы с Том пробовали курить самокрутки из кукурузных рылец и виноградной лозы, – чиркнул о большой палец, помахал немного вокруг и увидел широкий проход, прорубленный в чапыжнике.

Согнулся, продвинул спичку слегка вперёд. Разглядел, что в стене чапыжника открывается что-то вроде лаза высотой и шириной около шести футов. Было не видно, как далеко он уходит, но ясно, что на порядочное расстояние.

Я затушил спичку, пока руку не обожгла, и говорю Том:

– Можем пойти назад, а можем – вот по этому лазу.

Том внимательно рассматривала чапыжник.

– Нет, назад я не хочу, там ведь это страшилище. И лезть в этот лаз тоже не хочу. Мы тут с тобой как крысы в трубе. Может, эта тварь знала, что загонит нас в такую вот ловушку, и вот теперь сидит и ждёт у другого конца, прямо как то чудовище, про которое нам папа читал. Ну которое ещё на одну половину человек, а на другую – корова.

– Полубык-получеловек, – поправил я. – Минотавр.

– Ага. Вот, может, оно там сидит и ждёт нас, Гарри!

Я уже, конечно, об этом подумал.

– По-моему, нам лучше выбрать лаз. Там оно не сможет напасть сбоку. Придётся либо спереди подходить, либо сзади.

– А других лазов там внутри быть не может?

Вот такую вероятность я не рассматривал. Там и правда в любом месте могли быть проделаны выходы. И если дальше лаз сужался, то этому человеку, зверю, Минотавру или кто он там такой, всего только и оставалось, что подойти да сцапать меня или Том.

– У меня ружьё, – говорю я. – Если сможешь толкать тачку, Тоби будет нас вроде как стеречь и даст нам знать, если вдруг кто подкрадётся. А если кто-нибудь на нас выскочит – раскрою` его надвое.

Я вытащил дробовик и подготовил к бою. Том приняла ручки тележки, протиснула её сквозь проход в чапыжнике, и мы углубились в лаз.

2

Дикие розы пахли душно, до одури. От запаха у меня закружилась голова. В темноте то и дело приходилось наткаться на шипастые побеги. Они распорили мне старую рубашку, исцарапали руки и лицо. Было слышно, как позади себе под нос шёпотом матерится Том – значит, и ей доставалось от колючек.

Лаз в чапыжнике тянулся довольно далеко, а потом я услышал звук бегущей воды, туннель расширился, и мы вышли на берег бурной реки Сабин. Сквозь прорехи в листве наконец пробилась луна и залила всё вокруг ярким светом – словно молоком, которое свернулось, прокисло и пожелтело.

Похоже, мы оторвались от погони.

Я поглядел на луну, задумчиво окинул взглядом реку. Наконец заговорил:

– С пути-то мы, конечно, сбились. Но я понял, куда нам идти. Можно двинуть немного вдоль реки – нам вообще-то надо в другую сторону, но, кажись, отсюда до Шатучего моста недалеко. Переходим по нему реку, потом выбираемся на большую дорогу, и вот, глядишь, мы и дома.

– До Шатучего моста?

– Ну да.

– Как думаешь, мама с папой волнуются? – спросила Том.

– Ну а то, – сказал я. – Волнуются, зуб даю. Надеюсь, хоть белкам обрадуются.

– А с Тоби что делать?

– Там видно будет.

Дальше берег отлого опускался, и у самой кромки воды бежала тропинка.

– Смотри, нам главное Тоби дотащить, а уж потом довезти тачку. Давай ты её покатишь, а я возьмусь спереди и буду притормаживать, чтоб сверх меры не разгонялась.

Я осторожно взял Тоби на руки – тот тихонько взвыл, а Том во всю прыть толкнула тележку. Та накренилась, белки, дробовик и лопата вывалились за борт, шлёпнулись на землю и чуть было не улетели в воду.

– Том, дьявол тебя заberi! – проворчал я.

– Ну извини, – ответила она. – Не удержала. А вот я маме нажалуюсь, что ты чертыхаешься!

– Настучишь – так я по шее тебе настучу. Да и потом, слышал я, ты и сама-то матюкаешься как сапожник.

Я передал Тоби сестре, нащупал под ногами твёрдую почву и принял собаку обратно.

Соскользнул по круче вниз и наткнулся на большущий дуб у самой воды. Здесь чапыжник разросся до берега, и его побеги оплетали дерево. Я протянул руку к стволу, чтобы удержать равновесие, – и тут же поспешно отдёрнул. Потому что рука нащупала не древесный ствол и даже не шиповник. Там было что-то мягкое.

Присмотрелся и вижу: среди колючек висит какой-то серый и бесформенный мешок. Луна в небе за рекой засияла ещё ярче и осветила лицо, вернее, то, что было когда-то лицом, а теперь больше напоминало праздничный фонарь из тыквы – круглое, раздутое, с тёмными провалами глазниц. С головы свешивался клочок волос, будто обрывок чёрной овечьей шерсти, а распухшее и покорёженное тело было без одежды. Женское тело.

Игральные карты с голыми тётками мне уже видеть случалось – Джордж Стернинг показывал. У него вечно попадались какие-нибудь безделушки такого рода, потому как его отец работал бродячим торговцем и продавал не только нюхательный табак, но и вдобавок к нему так называемые мелкие розничные товары.

Только вот это было совсем не то же самое. Те картинки наполняли сердце волнением – непонятным, но в каком-то роде приятным и сладостным. Сейчас я тоже почувствовал волнение, но совсем другого рода, и сразу же смекнул, какого именно.

Груды у женщины были разрезаны, будто гнилые дыни, треснувшие на солнце. А приглядевшись, я понял, что и шиповник вовсе не шиповник, а отрез колючей проволоки, которая туго обвивает её вздутую посеревшую плоть.

- Охереть! - ахнул я.

- Опять ты ругаешься, - укорила Том.

Я приподнялся по склону, взял у сестры Тоби, уложил его на прибрежную рыхлую землю, ещё немного поразглядывал труп. Том соскользнула вниз и увидела то же, что и я.

- Это кто, Человек-козёл? - спросила она.

- Нет. Это женщина, мёртвая.

- Ой, да ведь она совсем голая!

- Ну да, голая. Не смотри на неё, Том.

- А куда ж я денусь-то?

- Надо бы нам добраться до дому и рассказать папе.

- Зажги спичку, Гарри. Давай более лучше рассмотрим.

Я обдумал эту мысль и в конце концов полез в карман:

- Одна всего осталась.

- Ну вот и давай.

Я чиркнул спичкой о большой палец и вытянул руку. Рука дрожала, вместе с ней трепетал огонёк. Я подошёл близко, насколько позволял трупный запах.

При свете спички зрелище стало ещё более жутким.

- По-моему, женщина эта цветная, - заключил я.

Спичка погасла. Я выправил тачку, вытряхнул набившуюся землю из ружейного ствола, потом сложил дробовик и белок обратно в кузов и усадил туда же Тоби. Лопату не нашёл – решил, что она сползла по склону в реку и утонула. Ох, и влетит мне за это...

– Надо двигаться дальше, – заявил я.

Том стояла на берегу как вкопанная и зачарованно глядела на труп. Просто глаз оторвать была не в силах.

– Ну, погнали уже!

Я потянул её за собой. Шли вдоль берега, я что было мочи налегал на тележку, а она вязла в мягкой грязи, и вот наконец я совсем выбился из сил. У Том нашлось немного бечёвки, я связал белок за лапы и приторочил к поясу.

– Ты, Том, бери дробовик, а я понесу Тоби.

Том взяла ружьё. Я взвалил на себя собаку. Мы направились к Шатучему мосту, где, по слухам, находилось логово Человека-козла.

Вообще-то мы с пацанами держались от Шатучего моста подальше – все, кроме Джорджа. Этот-то ничего не боялся. Впрочем, не от излишней отваги, а скорее по скудоумию.

Сам мост состоял из нескольких канатов, перетянутых меж буграми на обоих берегах Сабина. К канатам при помощи ржавых железных скоб и истлевших верёвок крепились длинные доски. Без понятия, кто и когда его построил. Может, в своё время мост был вполне неплохой. Сейчас же многих досок не хватало, иные растрескались и прогнили, ну а канаты были привязаны по обоим высоким берегам к заржавленным металлическим сваям, которые когда-то глубоко вкопали в землю. Там, где вода подмыла берег, сваи частично высывались из болотистой почвы. Ещё немного поработают вода со временем, и мост весь как есть обрушится в реку.

Если дул ветер, мост шатало. При сильном ветре это было что-то. Я-то раньше переходил по нему реку всего только раз, днём и при полном безветрии – а уже

тогда было весьма стрёмно. При каждом шаге мост качался и грозил тебя сбросить. Доски скрипели и стонали, будто от боли. От трухлявого дерева отламывались щепки и летели вниз, в воду. А там, внизу, был омут, и река бежала быстро, рокотала на камнях, низвергалась небольшим падуном и растекалась широким, глубоким и бурным плёсом.

Нынче же была ночь, мы стояли у края моста и думали о Человеке-козле, о теле, которое нашли, о Тоби, да о том, как безбожно мы припозднились и как тревожатся родители.

- Будем переходить, Гарри? - спросила Том.

- Ага, - ответил я. - Я पहले пойду, а ты гляди, куда ступать буду. Какие доски подо мной не обломятся, тебя-то уж точно выдержат.

Мост, поскрипывая, покачивался на тросах над ревущими перекатами - самую малость, как высокая трава, в которой ползёт змея.

Переходить было довольно боязно, даже держась обеими руками за канаты, а уж с Тоби в охапке, да ещё ночью, да ещё с Том, которая силится тащить ружьё... В общем, ничего хорошего это не сулило.

Можно было, конечно, вернуться тем же путём, каким мы сюда пришли. Или попробовать спуститься вниз по течению по другой тропинке - там река мелела, и можно было перейти её вброд, вернуться на дорогу, а там и домой. Вот только река не мелела ещё довольно далеко, лес был дремучим, темень - непроглядной, Тоби - тяжёлым, а ещё ведь что-то там шло по нашему следу. Так что оставалось только идти по мосту.

Вдохнул я поглубже, ухватил Тоби покрепче и ступил на первую доску.

Как только я сделал шаг, мост с силой качнулся влево, а потом в другую сторону с ещё большей силой. У меня на руках был пёс, так что всё, что я мог - присесть и попытаться совладать с качкой. Мост болтало ещё достаточно долго. Я сделал второй шаг - ещё осторожнее. На этот раз качнуло слабее. Постарался придать шагам какое-то подобие размеренного ритма.

Окликнул Том:

– Ты, это, на середину доски наступай. Не так шибко мотаться будет.

– Я боюсь, Гарри.

– Да всё в порядке, – успокоил я. – Обойдётся.

Я ступил на новую доску, она затрещала, и я шагнул назад. От деревяшки отломился кусок и теперь падал вниз, в реку. С плеском ударился о бурюю воду, блеснул в лунном свете, его закружило течением, понесло к падуну и утащило прочь.

Я остановился; душа ушла в пятки. Крепко обнял Тоби, перешагнул через дыру на следующую доску. Перешагнуть-то перешагнул, но мост закачался, а сзади вскрикнула Том.

Оглянулся и вижу: она выронила дробовик и вцепилась в трос. Дробовик пролетел несколько футов, но повис между двумя нижними канатами. Мост замотало совсем уж жёстко, меня швырнуло сначала к одному тросу, потом к другому. Я подумал: ну всё, теперь-то мне уж точно конец.

Когда качка улеглась, я опустился на доске на одно колено, развернулся и поглядел на Том:

– Видишь, делов-то!

– Ой, не пойду, страшно, – пискнула Том.

– Не пойдёшь, а придётся, а ещё ружьё достать надо.

Том долго не решалась, но наконец перегнулась через трос и вызволила дробовик. Отдышавшись, тронулись дальше. Тут-то мы и услышали внизу какой-то шорох, а потом увидели существо.

Двигалось оно вдоль противоположного берега, под мостом, у самой воды. Как следует рассмотреть его было трудно – оно находилось в тени и луна его не

освещала. У существа была здоровенная башка, на башке – что-то вроде рогов, а всё остальное – чернее, чем угольная шахта. Вот оно подалось вперёд, будто хотело приглядеться к нам получше, и тогда в лунном свете сверкнули белки глаз и мертвенно-белые зубы. Издало высокий и щемящий стон, как большущая древесная крыса, которую чем-то придавило насмерть. Раз, другой, а потом снова затихло.

– Господи, Гарри, – ойкнула Том. – Да ведь это Человек-козёл! Что же нам делать?

Я подумал, не вернуться ли нам назад. Так нас и существо будет разделять река, но тогда снова придётся продираться через дебри, да ещё несколько миль. А если оно где-нибудь переправится, то опять пойдёт по нашему следу, потому что это оно

гналось за нами в чапыжнике, уж в этом я не сомневался.

Если мы перейдём, то окажемся прямо над ним, на высоком берегу, а там уже не так далеко до Пасторской дороги. Туда-то Человек-козёл уже не сунется. Там кончаются его угодья. Они ограничиваются здешними лесами и побережьем Сабина.

– Надо идти, – сказал я. Ещё раз бросил взгляд на страшные глаза и белые зубы и устремился вперёд. Мост колыхался, но сейчас во мне было куда больше решимости. Двигался я весьма ловко, Том тоже не отставала.

Когда приблизились к другому берегу, я посмотрел вниз, но Человека-козла уже было не видать. То ли угол зрения поменялся, то ли он уже оттуда ушёл – не знаю. Я шёл к берегу и не мог избавиться от мысли: он сидит там и поджидает нас.

Но на берегу мы увидели только тропинку, которая убегала в лесную чащу. Луна озаряла путь, и на тропинке не было никого и ничего.

Мы двинулись по дорожке. Тоби был тяжёлым, и я старался его не сильно трясти, но у меня у самого дико тряслись поджилки, а потому получалось так себе. Пёс лишь тихонько поскуливал.

Когда мы порядочно углубились в лес, ветви деревьев нависли над тропинкой и скрыли её от лунного света – словно удерживали землю в своих сумрачных объятиях.

– По-моему, если уж оно собирается на нас напрыгнуть, – прикинул я, – то лучшего места и не придумаешь.

– Ну так давай туда не пойдём.

– Хочешь снова через мост?

– Ага, ещё чего!

– Тогда надо идти вперёд. Мы ведь не знаем, пойдёт ли оно следом.

– А рога-то у него на башке – видал, какие?

– Что-то было такое. Думаю, вот нам чего нужно: хотя бы пока не дойдём вон до того поворота, айда меняться. Ты носи Тоби, а я возьму дробовик.

– Мне дробовик нести больше нравится.

– Так-то оно так, но я-то когда с него стреляю, меня отдачей не сносит. А ещё патроны-то у меня.

Том немного поразмыслила.

– Лады, – наконец согласилась она.

Том положила дробовик на землю, а я передал ей Тоби. Подобрал ружьё, и мы двинулись дальше тенистыми извивами тропки.

Пока мы пробирались во мгле, никто на нас не набросился, но когда впереди забрезжил свет, в лесу послышался шорох. Что-то там шевелилось точно так же, как и в чапыжнике. Что-то снова шло за нами следом.

Выбрались мы на свет, и стало легче. Повода, правда, для этого не было. Просто вот отлегло, и всё тут. По сути-то луна ничего не меняла. Обернулся я через плечо, посмотрел в темноту, из которой мы только что вышли, и там, в густом сумраке посреди тропинки, увидел его.

Стоит там.

Зырит.

Том я об этом ничего не стал говорить. А сказал вот что:

– Теперь ты хватай дробовик, ну а я возьму Тоби. Хватай и дуй со всем добром в сторону дороги.

Похоже, меня выдал взгляд, да и Том была далеко не дура: оглянулась и сама назад, в темноту. Тоже увидела существо. Оно тут же нырнуло в заросли. Том повернулась, отдала мне Тоби, приняла дробовик и задала стрекача – ни дать ни взять обезьянка, которой кипятком ошпарили зад.

Я поспешил за ней, бедный Тоби трясся у меня в охапке, а по ногам шлёпали привязанные к поясу белки. Пёс скулил, завывал и повизгивал. Тропинка раздалась в стороны, луна загорелась ярче. Показалась красная глина дороги. Мы выскочили из леса и оглянулись.

Увидели смутные тени и лунные блики. Деревья и тропку.

За нами никто не шёл. Во всём лесу не было слышно ни шороха.

– Теперь всё хорошо? – спросила Том.

– По ходу, так. Говорят, дальше дороги он не суётся.

– А вдруг сунется?

– Да ну, не может быть... Не, это вряд ли.

- Думаешь, это он ту женщину убил?

- Похоже на то.

- А чего это она стала такая страшнучая?

- Мёртвое тело всегда так пухнет. Будто не знаешь.

- А откуда у ней те порезы? Это он её рогами, да?

- Не знаю, Том.

Мы двинулись вдоль дороги, пару раз остановились отдышаться, разок подержали Тоби за хвост и за лапы, чтобы помочь ему сходить в туалет, и вот наконец глубокой ночью добрались до дома.

3

Не сказать, что наше возвращение было радостным. Небо затянуло облаками, лунный свет потускнел. Было слышно, как где-то в пойме стрекочут цикады и заливаются лягушки. Когда мы внесли Тоби на двор, из темноты донёлся папин голос, и тут же откуда-то вспорхнул и заметался чёрным комочком на фоне блёклого неба потревоженный сыч.

- Вот я надеру вам задницы-то, - пригрозил папа.

- Хорошо, пап, - сказал я.

Папа сидел на стуле под дубом, который рос во дворе. Под этим деревом мы обычно собирались, садились и вели беседы, а летом лущили горох. Папа курил трубку - эта привычка со временем и сведёт его в могилу. Было видно, как вспыхивает пламя: папа поджёт спичкой табачок и теперь раздувал огонь. Мне запах от трубки казался кислым и отдавал немного древесиной.

Мы подошли и встали под дубом у его стула.

– Мать-то по вам уже извелась, – сказал папа. – Ты ведь, Гарри, не маленький, соображаешь, что нельзя пропадать так надолго, да ещё и с сестрой. Ты вроде как следить за нею должен.

– Хорошо, пап.

– Я смотрю, Тоби всё ещё с вами.

– Да, пап. Ему, кажется, уже лучше.

– Ага, куда уж лучше, с переломанным-то хребтом.

– Он шесть белок загнал, – вступился я за Тоби. Вытащил карманный нож, перерезал бечёвку и показал добычу отцу. Он посмотрел на белок и уложил их рядом со стулом:

– Что ж, тогда другое дело.

– Вот видишь, пап.

– Тогда ладно, – сказал он. – Ты, Том, ступай в комнату, возьми лохань и набери воды. Греть не надо, и так тёплая. Чего на ночь глядя ещё с подогревом возиться. Обработайся керосином от клещей и так далее, потом – купаться и на боковую.

– Хорошо, пап. – сказала она. – Пап, а...

– Иди уже, Том.

Том глянула на меня, опустила дробовик на землю и убежала в дом.

Папа раскурил трубку:

– Так, говоришь, у тебя есть отговорка?

– Да, пап. Взялись белок гонять, ну и увлеклись, только это ещё не всё. Мы там труп видели у реки.

Папа подался вперёд:

– Что?

Я выложил ему всё подчистую. Про погоню, про чапыжник, про тело, про Человека-козла. Когда договорил, он какое-то время молчал, а потом сказал:

– Нет никакого Человека-козла, Гарри. Но очень может быть, тот, кого вы видели, и есть убийца. Этак и кого-нибудь из вас мог схватить, раз вы так задерживаетесь.

– Да, пап.

– Похоже, с утра пораньше надо будет сходить самому взглянуть. Как думаешь, найдёшь её снова?

– Да, пап, только я не хочу.

– Это-то понятно, но я без тебя не справлюсь.

Папа вынул трубку изо рта, постучал о подошву башмака, вытряхнул пепел и сунул трубку в карман.

– Теперь дуй домой, а там, как Том управится, тоже обери с себя паразитов да помойся. Явно ведь тебя всего облепили. Давай сюда ружьё, я уж сам позабочусь о Тоби.

Я хотел было что-то возразить, да не нашёл нужных слов. Папа встал, бережно взял Тоби на руки, а я вложил ему в пальцы дробовик.

– И надо же было с таким хорошим псом да случиться такому вот гнусному паскудству, – вздохнул папа.

Направился в сторону небольшого амбарчика, который стоял у нас за домом на краю поля.

- Пап, ты пойми, - сказал я. - Рука не поднялась. Это же Тоби.

- Да всё в порядке, сынок, - ответил папа и зашагал к амбарчику.

Когда я зашёл в дом, Том была на задней застеклённой террасе, которая называлась у нас спальней верандой. Места там было не то чтобы много, но летом - ничего, уютно. На цепях, привязанных к потолочным перекрытиям, болталась подвесная скамья, рядом лежали два соломенных тюфяка, а на стене обычно висела жестяная лохань, пока в ней не возникала нужда.

Ну так вот, сейчас Том сидела в этой самой лохани, а мама при свете фонаря - он висел прямо над ними на балке - усиленно и проворно тёрла ей спину.

Мама стояла на коленях; она была босиком, в старом зелёном платье, а перед помывкой засучила рукава. Я отодвинул ширму и вошёл, и она глянула на меня через плечо. Волосы цвета воронова крыла мама собрала в толстый пучок, но одна непослушная прядь выбилась на лоб до глаза. Мама отбросила её намыленной рукой и обернулась ко мне.

Я тогда этого ещё не понимал - ну всё-таки мать родная как-никак, - но каждый раз, когда на неё смотрел, чувствовал, что засматриваюсь. Что-то в ней было такое, что притягивало взгляд и не давало его просто так отвести. Вот только-только начинал я догадываться, в чём же тут дело. Мама была красива. Спустя годы узнал я: многие считали её первой красавицей во всём округе, и теперь, когда вижу её на немногочисленных фотоснимках (одни запечатлели её в лучшие годы, другие - когда ей было уже за шестьдесят) должен признать, что молва была очень даже недалеко от истины.

- Ты ведь не маленький, соображаешь, что нельзя гулять допоздна. Тем более - пугать Том всякими страшилками про трупы.

- А я и не испугалась ни капельки, - заявила Том.

- Помолчи, Том, - одёрнула мама.

- Вот нисколечко!

- Цыц, тебе говорят.

- Это не страшилки, мам, - сказал я.

Рассказал ей коротко обо всём, что случилось. Когда окончил рассказ, она спросила:

- А где папа?

- Понёс Тоби в амбар. У Тоби спина переломана.

- Слышала. Жалко собачку.

Я всё прислушивался, не прозвучит ли выстрел, но прошло уже пятнадцать минут, а всё было так же тихо. Потом стало слышно, как папа выходит из-за амбара, и вскоре он шагнул из темноты на веранду, в свет фонаря. В руке - дробовик, в зубах - трубка.

- Решил, не стоит его убивать, - сказал папа. У меня аж прямо от сердца отлегло, и я переглянулся с сестрой: та вынырнула из-под маминой руки, пока мама натирала ей голову хозяйственным мылом. - А что, он и задними лапами слегка шевелит, и хвост уже подымает. Ты, Гарри, похоже, прав. Тоби лучше. К тому же делать то, что следовало бы сделать, мне хотелось не больше, чем тебе, сынок. А уж как станет ему хуже или так и не полегчает, что ж... Пока что вы с Том за него отвечаете. Кормите его, поите, ну и придётся уж вам как-нибудь помогать ему делать свои собачьи дела.

- Будет сделано, - ответил я. - Спасибо, пап.

- А местечко в амбаре я ему уже приспособил. - Папа сел на подвесную скамью и уложил дробовик на колени. - Так, говоришь, женщина та была цветная?

- Да, пап.

Он вздохнул:

– В таком разе будет труднее.

* * *

На следующее утро чуть свет я отвёл папу к Шатучему мосту. Снова по нему переходить я наотрез отказался. Место вниз по реке, где находилось тело, указал с нашего берега.

– Ничего, – сказал папа, – дальше я и сам справлюсь. Ступай-ка домой. А потом езжай в город да открой парикмахерскую. А то Сесиль там меня ждать замучается.

Домой я отправился по длинному пути – при свете дня чувствовал себя храбрецом, и никакой Человек-козёл был не страшен. Не я ли повстречался с ним и остался в живых?

Прошёл мимо развалюхи старого Моуза, но в гости заходить не стал. Сам Моуз в неизменной соломенной шляпе, которая уже начинала терять солому, выволок на берег свою лодчонку и сидел в ней. Он занимался делом – обстругивал палку. Я позвал:

– Мистер Моуз!

Он обернулся и махнул рукой.

Я был не в курсе, сколько лет Моузу, но знал, что он уже древний старик. Его тёмная кожа с медным отливом была вся в морщинах, точно вяленый изюм, а зубы почти все уже выпали. В глазах у Моуза краснели прожилки – из-за повышенного давления и сигаретного дыма. Курил он непрерывно – в основном самокрутки из папиросной бумаги и кукурузных рылец. Сгорали они быстро, и как только поджигалась первая, нужно было сразу же начинать крутить вторую. Моуз не раз брал меня с собой на рыбалку, а папа рассказывал: когда он сам был мальчишкой, Моуз и его учил рыбачить.

Пошёл дальше берегом реки, разок остановился потыкать палкой дохлого опоссума, чтобы разогнать пирующих на нём муравьёв, а потом поспешил к

нашему жилищу.

Заглянул в амбар проведать Тоби. Пёс ползал на брюхе, кое-как подрыгивал задними лапами. Я потрепал его по холке, отнёс в дом и дал Том задание кормить и поить собаку, затем взял ключ от парикмахерской, оседлал Салли Рыжую Спинку и на ней проехал пять миль до города.

Наш Марвел-Крик на деле городом-то не был, и сейчас-то одно название, а уж тогда насчитывалось там и вовсе только две улицы – Главная да Западная. Вдоль Западной улицы тянулся ряд домов. На Главной располагались: магазин, здание суда и окружной администрации, почтовое отделение, дом врача, парикмахерская, которую держал папа, аптека, где стоял сифон с первосортной газировкой, редакция местной газеты – вот, собственно, и всё. По всей Главной улице зияли рытвины, а к суду, докторскому дому, аптеке и магазину в небольшом объёме подавалось по проводам электричество.

Ещё одной достопримечательностью Марвел-Крика было стадо свиней, которое бродило на вольном выпасе по всему городку; принадлежали свиньи старому Криттендону.

До них по большей части никому не было дела, но как-то раз один крупный хряк увязался за миссис Оуэнс и гнал её вдоль Западной улицы до самого дома. Поскольку была эта дама, как говорится, в теле, то среди горожан – а в городе не особо-то жаловали миссис Оуэнс, потому как по происхождению она была из янки и не упускала случая напомнить, что в Гражданской войне победили северяне, – так вот, среди горожан это памятное событие получило гордое имя Состязания двух свиней.

Короче говоря, Джейсон – муж миссис Оуэнс, который носил бороду и всегда одевался как на парад, – выбежал на крыльцо и пристрелил-таки хряка из дробовика, но сначала обвалил ступеньки крыльца, сбил опорный столб и обрушил крышу дома на кабана и на себя. Кабан оклемался, а вот мистер Оуэнс – нет.

В городке горевали по мистеру Оуэнсу, старый Криттендон горевал по своему хряку, а миссис Оуэнс убралась на Север заодно с остальными янки, и по ней не горевал никто. Мистер Криттендон даже на недельку-другую озаботился и загнал хрюшек в свинарник, но вскоре они опять разбрелись, стали рыскать по

городу, а пешеходы стали вновь на них покрикивать и швыряться камнями. Свиньи же выработали ответный приём и приучились отскакивать в сторону, едва услышав, что в них со свистом летит пущенный кем-то снаряд.

Наша парикмахерская располагалась в маленьком белом однокомнатном зданьице в тени двух дубов. Там хватало места для двух парикмахерских кресел – точнее, одно было настоящее, а ещё одно соорудили из обычного стула, положив подушку на сиденье, а другую – прикрепив к спинке. Папа стриг волосы на настоящем кресле, а другим пользовался Сесиль.

Летом дверь открывалась, и от мух вас отделяла только сетка. Мухи очень любили скапливаться на этой единственной преграде. Папа предпочитал не закрывать входную дверь. Объяснялось это просто. Стояла жара, а в открытый проём задувал ветерок и приносил хоть немного прохлады. Впрочем, в это время года и сам ветер иногда был горячим. В такую пору привыкаешь шевелиться как можно меньше, не вылезать из тени и держаться у самой земли.

Когда я подъехал, Сесиль сидел на крыльце и читал еженедельную газету. Установленного времени для открытия парикмахерской не было, но папа обычно открывал её около девяти. Я, судя по всему, появился позже.

Сесиль поднял взгляд и спросил:

– А где твой папа?

Я привязал Салли к одному из дубов, отпер дверь и одновременно вкратце изложил Сесилью, что произошло и куда подевался отец.

Сесиль послушал, покивал, поцокал языком, а затем мы вошли внутрь.

Я любил запах парикмахерской. Там пахло спиртом, антисептиками и маслами для волос. Пузырьки с ними выстроились рядком на полке за креслом, и какого только цвета жидкости там не было! И красная, и жёлтая, и синяя – та, что одуряюще пахла кокосовым орехом. Когда в комнату заглядывало солнце, пузырьки сверкали и лучились – ни дать ни взять самоцветы из копей царя Соломона.

Вдоль стены у дверей стояла длинная лавка и столик, а на столике – стопка журналов с яркими обложками. Журналы были в основном детективные. Я читал их при любой возможности, а иной раз папа приносил самые потрёпанные домой.

Когда не было посетителей, почитывал журналы и Сесиль – сидя на лавке, да с самокруткой во рту он и сам напоминал какого-нибудь сыщика, сошедшего со страниц детектива. Крутого, бесстрашного и бесшабашного.

Был Сесиль мужчиной видным и, насколько я сам слышал от горожан и знал по папиным рассказам, пользовался успехом у дам. Была у него пышная, но ухоженная грива рыжеватых волос, открытое лицо и ясные глаза под слегка нависающими веками. Приехал он в Марвел-Крик не так давно, стал искать, где бы устроиться парикмахером. Папа подумал, что конкуренты ему не нужны, пригласил Сесиль к себе, поставил для него второе кресло и стал выплачивать долю с выручки.

В каком-то смысле папа об этом жалел. Не то чтобы Сесиль оказался плохим работником, да и

папе он не сказать чтобы не нравился. Дело в том, что Сесиль был слишком хорош. Папа выучился своему ремеслу сам, через пробы и ошибки, а Сесиль где-то натренировался и даже получил диплом или что-то в этом роде. Диплом этот папа разрешил ему приколоть на стенку возле зеркала.

Сесиль, что и говорить, умел стричь, и вскорости всё больше папиных клиентов хотело попасть именно к Сесилью. Всё больше мамочек приводили в парикмахерскую сыновей, сидели и ждали, а Сесиль стриг ребятам вихры и заговаривал мамочкам зубы, а то, бывало, пощипывал мальчиков за щёки, и это несказанно их веселило. Такой уж был у Сесилья нрав. В одну минуту умел он с кем угодно завести дружбу. Особенно с женщинами.

Что до мужчин, с ними любил он поболтать о рыбалке. При первой возможности прикреплял к крыше своего грузовичка вёсельную лодку и укатывал на реку. Любил на пару дней отдохнуть от работы и заночевать на природе. Возвращался же всегда с кучей рыбы, а иногда и с белками – их он охотно раздавал всем желающим. Самые здоровые неизменно доставались нам.

Папа в этом никогда не признавался, но было видно – его бесит, что Сесиль у всех нарасхват. Вдобавок ко всему, когда в парикмахерскую приходила мама, то при взгляде Сесиль терялась и краснела. А ещё смеялась, даже если он не говорил ничего такого уж смешного.

Пару раз Сесиль стриг и меня, когда папа был занят, и, сказать по правде, я слушал его, развесив уши. Сесиль любил поговорить и в красках описывал края, в которых бывал. А он обошёл все Соединённые Штаты, объехал весь белый свет. Дрался на Первой мировой и своими глазами видел самые жаркие сражения. Ну именно о войне рассказывал он не так уж много. Похоже, вспоминать о ней было больно.

Но если войну Сесиль преимущественно обходил стороной, то обо всём остальном его язык мёл, что твоё помело. Он всё подкалывал меня расспросами о девчонках, и порой его подколы переходили какую-то грань, и папа укоризненно зыркал на Сесилья. Я видел их отражения в зеркале за читальной лавкой – его повесили, чтобы клиент мог наблюдать за работой парикмахера. Тогда Сесиль подмигивал папе и менял тему разговора. Но всё же рано или поздно к ней возвращался и с неподдельным интересом расспрашивал меня о подружках, даже при том что никакой подружки у меня и не было. От этих расспросов я чувствовал, будто взрослою и принимаю участие в настоящих мужских разговорах.

Том в нём тоже души не чаяла и даже была в него по-своему, по-девчачьи, влюблена; иногда она приходила в парикмахерскую просто так, чтобы провести с ним время, ну а Сесиль, если бывал в настроении, говорил ей пару ласковых слов, а иной раз так и пяточком одаривал. Это был хороший знак. Это говорило: возможно, и мне перепадёт монетка.

Самым же удивительным в Сесиле было то, как он умел стричь. Можно подумать, ножницы были продолжением его руки. Стоило ему только крутануть легонько запястьем, а они уже будто сами порхали, мелькали и кромсали волосы. Сидишь у него в кресле, вокруг летают, блестя на солнце, остриженные космы, а шевелюра твоя из растрёпанной копны превращается в произведение искусства, словно глыба мрамора под резцом у скульптора. Не было случая, чтобы у Сесилья дрогнула рука, чтобы он вдруг уколол тебя кончиком ножниц – чего о папе не скажешь. Когда Сесиль растирал тебе голову пряным маслом, зачёсывал волосы на пробор, проходил по ним гребёнкой и разворачивал тебя к ближнему зеркалу за креслами – оттуда смотрел уже какой-то совершенно новый паренёк.

Когда стрижка завершалась, казалось, что ты выглядишь старше, как-то мужественнее, что ли.

Когда меня стриг папа, расчёсывал мне вихры, наносил немного масла и поднимал с кресла (и никогда притом не разворачивал посмотретья в зеркало, как взрослых клиентов), я по-прежнему оставался ребёнком. Ну с причёской, подумаешь.

В тот день отец ещё не пришёл, поэтому я попросился постричься у Сесилия, и он согласился – прошёлся ножницами, а закончил взбитым вручную кремом для бритья и бритвой, добираясь до самых непокорных прядей вокруг ушей. Руками же намазал мне волосы маслом и всей кистью помассировал затылок. На жаре от прикосновений сделалось щекотно, тепло и стало клонить ко сну.

Едва только я слез с кресла, на фургончике, запряжённом мулами, подъехал старый Нейшен и ввёл в парикмахерскую двух своих уже взрослых сыновей. Мистер Итан Нейшен был крупный мужчина в комбинезоне, а из ушей и ноздрей у него росли пучками волосья. Сыновья были все в отца, рыжие и лопоухие. Все трое жевали табак, вероятно, с самого рождения, и те их зубы, какие не позеленели от плохой гигиены, побурели от жвачки. Они носили с собой жестянки и то и дело сплёвывали туда мокроту. Разговор они щедро пересыпали ругательствами, какие в те годы не часто можно было услышать в приличной компании.

Нейшены никогда не приходили стричься. Стриглись своими руками дома под горшок, ну и можете сами представить, как это выглядело. В парикмахерской же они рассаживались по стульям для ожидающих своей очереди и вычитывали из журналов, что могли осилить, покуда не уставали губы, а иной раз принимались жаловаться на тяжёлые времена.

Папа говорил, жизнь их тяжела главным образом потому, что они настолько лодыри, что, ежели на стул им нагадит птичка, так ведь не соскребут, пока сами в говно не усядутся. Заходил кто-нибудь постричься – они не двигались с места, чтобы уступить клиенту стул, при том что сами не нуждались в стрижке. Манеры-то у них, говаривал папа, не лучше, чем у козла. Как-то раз подслушал я, как он сказал Сесилию, думая, верно, будто никто не слышит: мол, если вынуть у всей семейки Нейшенов мозги, скатать в комок, прилепить к комариной жопке да пустить комара в полёт, то пойдёт дребезжание, как будто шарикоподшипник везут в товарном вагоне.

Сесиль, хотя и не водил дружбы с Нейшенами, тем не менее всегда был с ними вежлив, к тому же, как часто говорил папа, он любил потреться, даже если беседовал с самим дьяволом, а речь шла о том, на каком огне лучше поджаривать ему пятки.

Лишь только старый Нейшен опустился на стул, Сесиль сказал:

– Гарри говорит, тут произошло убийство.

Интересно, что же папа подумает о моём длинном языке? Папа и сам-то любил поговорить, но, как правило, о чём-нибудь дельном. Когда же вопрос его не касался, отец предпочитал молчать.

Раз слово уже было сказано, мне больше ничего не оставалось, как выложить всё. Ну почти всё. Отчего-то я ни словечком не обмолвился о Человеке-козле. Эту часть не стал я рассказывать даже Сесилью.

Когда я закончил, мистер Нейшен помолчал немного, а потом сказал:

– Ну что ж, одной черномазой шаболдой меньше, всему-то миру от этого ни жарко ни холодно. – И обернулся ко мне: – А папаша твой никак поглазеть на неё пошёл?

– Да, сэр, – говорю я.

– Э, он-то, по ходу, крепко на этот счёт опечалился. Вечно он беспокоится из-за всяких ниггеров. Забить бы ему на них, нехай себе черномазые и дальше режут друг друга, нам всем остальным оттого только легче.

До этого я никогда по-настоящему не думал о личных убеждениях отца, но внезапно оказалось, что они противоположны взглядам мистера Нейшена, а мистер Нейшен, хотя и любит околачиваться у нас в парикмахерской, на самом деле не шибко-то любит папу. Оттого что у папы другие взгляды, я почему-то обрадовался, прикинул разницу между ними обоими и понял тогда, что мои убеждения навечно будут спаяны с папиными, по меньшей мере касательно расового вопроса.

В это время появился доктор Тейлор. Он не был главным медиком в Марвел-Крике и работал на пару с доктором Стивенсоном – ворчливым старикашкой, который несколько раз наведывался к нам домой. Своей кислой миной и седыми волосами Стивенсон напоминал мне Скруджа из известной рождественской истории с привидениями.

Доктор Тейлор же был высок, светловолос и всё чему-то хитровато улыбался. Дамам он нравился ещё больше, чем Сесиль. Для всех у него находилось доброе слово, а уж детей он просто обожал. С Том всегда обращался, словно с принцессой. Как-то раз, заглянув к нам домой, чтобы проведать Том – она тогда слегла с простудой, – он принёс ей кулёчек с конфетами. Я это очень хорошо запомнил. Ни одной тогда со мной не поделилась! В следующий раз, повстречав доктора Тейлора, что-то я ему об этом сказал, а он рассмеялся:

– Ну а чего ты хотел? Женщины – они такие. Ничего уж тут не попишешь.

Подробно пояснять это своё замечание он не стал и не предоставил мне собственного кулёчка с конфетами в утешение, так что я обиделся, но лишь самую малость.

На шее доктор Тейлор носил французскую монету на цепочке. На монете имелась щербинка – след от пули. Монета эта лежала у него в кармане рубашки и однажды якобы спасла ему жизнь. Как-то вечером мама упомянула в разговоре о том, как доктору повезло, а папа сказал:

– Ну да, по-моему, он молотком по ней постучал разок-другой да и сочинил эту сказку про белого бычка. Было бы чего, чтобы дамам пыль в глаза пускать.

В любом случае я был рад, что он пришёл. Его появление разрядило обстановку, и они с Сесилем пустились болтать о том о сём, пока Сесиль обстригал доктору волосы.

Следующим появился преподобный Джонсон, проповедник-методист, и мистер Нейшен почуял, что стало тесно, втиснулся с сыновьями к себе в фургон и поехал вдоль по улице докучать кому-нибудь другому. Сесиль рассказал преподобному Джонсону об убийстве, а преподобный немного поохал и переменял тему.

Позже прибыл папа. Когда Сесиль спросил его о трупе, папа недовольно покосился на меня, и я понял – надо было держать язык за зубами.

Впрочем, ничего нового папа не добавил:

– Скажу только – ничего подобного мне раньше видать не доводилось, и очень жаль, что это попало на глаза Гарри и Том.

– Я-то на войне насмотрелся всякого, на всю жизнь хватило, – ответил Сесиль. – Но то война, там другое. Мне тогда было пятнадцать. Прибавил себе годов, а сам уже тогда был здоровый как конь, так что никто меня не раскрыл. Можно было б переиграть – ни за что воевать не пошёл бы.

И не сказав более ни слова, Сесиль взял с полки гребешок, подошёл ко мне и принялся укладывать мне волосы.

4

Я ещё немного посидел в парикмахерской, но пришёл только один клиент, и никто больше не говорил ни о чём интересном. Новых журналов, которые я охотно бы почитал, тоже не было, так что после того, как я вымел обрезки волос, папа отсыпал мне мелочи и выпроводил на улицу.

Я зашёл в магазин, довольно долго глазел там на свёртки разноцветной ткани, на упряжь для мулов, на всякого рода галантерейные товары, скобяные изделия и прочее барахло. Решил наконец взять себе или газировки из бочонка со льдом, или карамельных палочек с мятным вкусом.

Остановил всё же свой выбор в итоге на карамельных палочках. На свои два цента смог купить четыре штуки. Владелец магазина, мистер Грун – лысый, розовощёкий и великодушный – подмигнул, дал мне шесть штук, обернул в бумагу и сложил в пакетик. Я отнёс их обратно в парикмахерскую, оставил там до своего возвращения, а потом, раз не надо было выметать обрезки и вообще чего-либо делать, отправился слоняться по городку.

Время от времени любил я заскакивать к мисс Мэгги. Почти все в городе знали её под таким именем. Не просто «Мэгги» или «тётушка Мэгги», как обращались тогда к цветным женщинам в возрасте, а именно «мисс Мэгги».

По слухам, было этой мисс Мэгги лет сто, не меньше. Каждый день трудилась она не покладая рук на небольшом кукурузном поле и получала с него скромный урожай, вспахивая землю на муле по кличке Мэтт. Уж насколько покладиста была наша Салли Рыжая Спинка, и та не тянула плуга по борозде так безропотно, как этот Мэтт. Мэгги говорила, что сложнее всего надеть на Мэтта ярмо. А уж дальше мул и сам делал всю работу. Почва на её делянке в пару акров была тощая, один песок, а ножи у мисс Мэгги были не толще древка от мотыги, да и вся она целиком не превышала размерами крупного ребёнка – поэтому в это верилось.

Кожа у неё была чёрная как ночь и морщинистая, как выветренная земля, а кучерявые волосы на голове с годами поредели. Одевалась мисс Мэгги в линялые хлопковые платья, перешитые из мешков из-под картошки или корма для скотины, на ногах носила мужские носки и дешёвые чёрные туфли, которые заказывала из каталога фирмы «Сирс и Робак» [1 - Крупнейшая на тот момент американская компания сетей розничной торговли, первой придумавшая доставлять почтой товары, заказанные клиентами по почтовым каталогам (здесь и далее прим. перев.)]. Выходя на улицу, надевала большую чёрную шляпу с плоскими полями и гладкой тульей. Поговаривали, шляпа досталась ей от мужа, который частенько её поколачивал, а потом удрал с какой-то женщиной родом из Тайлера.

Её участок принадлежал когда-то отцу старого Флаера. После Гражданской войны и отмены рабства мисс Мэгги осталась при его ферме служанкой. Позже он наградил её за верную службу – пожаловал земельный надел в двадцать пять акров. Пять акров она оставила себе под поле и домик с сараем, а всё остальное продала городским властям Марвел-Крика. Ходили слухи, что вырученные с продажи денежки закопала она во дворе в стеклянной банке. Нашлась было кучка горе-грабителей, которые залезали к ней во двор и рылись в земле, но стоило разок-другой пальнуть поверх голов из дробовика, и раскопки прекратились, а в народе заговорили, что деньги она растратила.

Мэтт жил в загоне рядом с домом. Загон состоял из четырёх столбов и натянутой между ними верёвки. В загоне находился хлев, а в хлеву для Мэтта всегда было вдоволь питьевой воды, зерна, кукурузной шелухи и всякого такого. Мэтт

работал под честное слово и за верёвку не заходил. А зачем, ему и так всего хватало.

Ещё был свинарник, а в нём – месил толстый, по щиколотку, слой грязи и тыкался рылом в пустое поганое корыто махонький поросёнок.

От дома до ствола чёткового дерева (все, кого я знал, называли эту породу «чётким деревом») тянулась бельевая верёвка, на которой сушились простыни и та часть гардероба, которую женщины, как мне было известно, зовут «исподним», то бишь нижнее бельё.

Домишко мисс Мэгги представлял собой неказистую ветхую хибарку под выдавшей виды рубероидной кровлей и с коротким и узким крылечком, под которым любили прятаться от полуденной жары куры и приبلудные бродячие собаки. На крылечке стояло кресло-качалка из гнутого тростника. Дом слегка скосбочился вправо. В нём была дверь и пыльная сетчатая ширма. Три своих оконца за латаными сетками, когда вставала нужда защититься от солнца или обеспечить тайну личной жизни, задёргивала мисс Мэгги жёлтой клеёнкой, а стёкла в самих оконцах изгадили мухи. Летом все три окна открывались, чтобы свежий воздух проникал через сетки – их было никак не убрать, иначе с мухами вовсе сладу бы не было. Когда держишь скот, особенно в такой близости от дома, эти твари становятся вдвое назойливее обычного.

Я подошёл к дверной ширме и разогнал мух, которые облепили её сверху донизу и грелись на солнце. Мисс Мэгги хлопотала у дровяной плиты – доставала из духовки лепёшки. Учюял я их ещё через ширму, и от вкусного запаха у меня потекли слюнки. Я позвал хозяйку по имени, она обернулась и по обыкновению пригласила меня входить; при этом я отметил: её косы ещё сильнее побелели с прошлой встречи.

– Эй, малыш! Заходи да сажайся.

Я повторно шуганул мух и вошёл в дом. Сел за столик на довольно-таки шаткий стул. Старушка положила несколько лепёшек на раздолбанное оловянное блюдо, налила соргового сиропа из разогретой над плитой банки и пригласила есть. Я принялся за еду.

Лепёшки были настолько мягкими, что таяли во рту, а сорговый сироп – его она, скорее всего, получила в обмен на кукурузу – был так хорош, что, кажется, лучшего сорго ни в жизнь не размалывали на движимой мулом дробилке и не уваривали до сладости человеческие руки.

Поев, я бросил взгляд на двуствольный дробовик – он висел на двух большущих гвоздях, вбитых в стену, а рядом висела чёрная шляпа. Мисс Мэгги села напротив, поела и сказала:

– Я тут думаю, зажарю себе солёной свинины. Будешь?

– Да, мэм.

Она открыла духовку, вынула добрый кусок шпика. Он уже прокоптился и, видимо, сейчас только разогрелся, но старушка уложила немного сала на сковороду и подбросила в печку дров, чтобы то слегка поджарилось. Вскоре свинина была готова. Мы подкрепились шпиком и ещё закусили лепёшками. Потом она заговорила:

– Вижу, тебе так и распирает об чём-то мене рассказывать.

– Да вот не знаю – а вдруг нельзя?

– Ну раз не знаешь – так и не надо.

– Правда, прямо мне никто рассказывать не запрещал.

Старушка усмехнулась. У неё осталось два здоровых верхних зуба и четыре нижних, и один из них выглядел сильно не очень. И всё же, надо сказать, с лепёшками и свининой справлялись они отлично.

Я подумал: а какая разница, что именно я расскажу мисс Мэгги? Она же не пойдёт с этим к папе – поэтому расписал ей и про цветную женщину в пойме реки, и про то, как в лесу за нами с Том следило какое-то существо.

Я закончил, и она покачала головой:

– Ай, срам какой! И никому ведь до этого дела не будет. Ещё одна черномазая баба померла, подумаешь, беда-то какая.

– Папе будет до этого дело, – возразил я.

– Только ему, пожалуй, и будет, да и он, быстрее всего, ничего делать не станет. Его-то один, а их – о-го-го. Затаптают его, малыш. Лучшее всего, если на это наплевают и забывают.

– А вы разве не хотите, чтобы виноватого поймали?

– А это не будет. Тут уж будь уверенный. Мой народ – он ведь что солома, малыш. Ветерок подует – и нету человека, а всем наплевать. Чтобы закон забеспокоился – тут надо было какого-нибудь белого убивать.

– Это же неправильно, – возмутился я.

– Ты лучше об это говори потише, а то ребятки с Ку-клукс-клана придут к тебе в гости.

– Папа-то их дальше порога не пустит.

Она хмыкнула.

– Ну, положим, и не пустит, – некоторое время она внимательно меня разглядывала. – Ты всё-таки лучше держись подальше от леса, малыш. Человек, кто такой плохой штук сделал, – он и маленьких деток пожалеть не будет. Слушаешь, чего говорю?

– Зачем бы это кому-то творить такое, мисс Мэгги?

– Один только Бох знает, чего за этим стоит. Я так думаю, это всё Странник.

– Странник?

– Так уж называют такого человека, который делает с женщинами всякие нехорошие штуки. По крайней мере так у меня папенька его называл.

– Это какой же это Странник?

Мисс Мэгги неторопливо поднялась со стула, подошла к шкафчику, взяла с полки зелёную консервную баночку и с ней вернулась к столу. Открыла жестянку, вынула щепотку табака и закинула за щёку.

Я понял – сейчас начнёт рассказывать. Так ведь завсегда у неё заведено – достать табачку, устроиться поудобнее. Она и раньше рассказывала мне всевозможные сказки: и про смоляное чучелко, и про большущую змею, которая водилась в пойме реки, покуда в тысячу девятьсот десятом её не убили. Якобы оказался это водяной щитомордник длиной аж в сорок пять футов, а как разрезали ему брюхо, то в желудке нашли ребёнка. Когда я пересказал это папе, он только фыркнул.

На улице между тем на солнце набежало облако, и свет за мутными окнами и дверной ширмой померк. Я наблюдал, как мухи на ширме медленно спускаются всё ниже, сползаются в кучку, в единый тёмный ком, словно тоже хотят послушать, что такого расскажет мисс Мэгги; мушиный рой, будто дождевая туча, отбрасывал тень на пол до самого стола.

Послышалось, как где-то вдалеке протарахтел фургон, затем промчалась машина. День был и так жаркий, а в хибарке из-за печки и тесноты стояла совсем уж лютая духота. Меня разморило и начинало понемногу клонить ко сну.

– Этот самый Странник, он из тех, с которым лучше никогда не знаясь, малыш. Такие люди чего-то хотят сильно-сильно, за любую цену. Так сильно, что будут пойти на сделку.

– На какую такую сделку?

– А с дьяволом.

– Ой-ой-ой! Да на такое никто ведь не отважится!

– Ещё как отважится. Вот один такой был цветной человек на имя Красавчик – давно, когда календарь показывал цифры один, девять и два нолики. Это был год, когда город Галвестон сдунуло большим-большим уркаганом. У меня была там сестра – как раз вот тогда утонула.

– Правда?

– Ага. Там потом всех мёртвых людей собрали и побросали в огонь, малыш. Я только то и знаю, что она должна была утонуть, и если её мертвую тогда нашли, то тоже вместе со всеми в огонь. А что поделать, покойников совсем много было. Цветной. Белый. Женщины, детки.

Рассказывала старушка занимательно, но не хотелось, чтобы она слишком уж отклонялась от истории про Странника и Красавчика. Я спросил:

– А с Красавчиком что?

– Красавчик-то? – переспросила она. – Что ж, Красавчик этот любил поиграть на скрипку, но получалось у его совсем нехорошо. Никак не мог заставлять свою скрипку, чтобы та заговорила. Хотел научиться как большой музыкант, но, кроме один-два песенки, какие играл для своих родичев, пока они терпели, ничего ему не получалось. И знаешь, что он сделал, а, Малёк?

– Нет, мэ.м.

– Он тогда достал себе бутылку виски, немного пил, совсем чуть-чуть, а потом ходил туда по маленькой водичке. Ну, знаешь, делал пи-пи.

– Прямо в виски?

– Всё, как я и говорю. Вот пока бутылка под самый край не наполнялась. Выпил и взад вернул, можно так сказать. Крышком закрывал, поболтал. И знаешь зачем?

– Нет.

– Потому как говорят, так Дедушка любит. Ему от человеческой водички более острее вкус делается.

- Дедушка?

- У Дедушки много разных имён есть. Сатана. Вездефуфел. Дьявол. Тута штук такой, ты когда его вызываешь, так и не понять, с ним говоришь или с каким-то из его солдат, но это и не важно совсем. Красавчик этот, видишь ли, пытался делаться Странник.

Мисс Мэгги прервалась, чтобы сплюнуть. Для этого дела стояла у неё на полочке у плиты большая треснутая чашка, и вот она потянулась за этой чашкой и сплунула туда табачный сок. Утёрла губы тыльной стороной ладони и продолжала:

- Хочешь делать правильно - ну, то, что собирался делать Красавчик, - надо ходить внизу, в пойме, где лес совсем густой, и находить, чтобы там было перекрёсток.

- Так перекрёстки-то везде есть, мисс Мэгги.

- Ага. Но самое лучшее место, чтобы встречать дьявола или кого-то из его солдат, - это в самый густой лес глубоко в пойму, где одна тропинка другую крест-накрест делает. И вот там надо быть, когда оба-двое стрелки? смотрят прямо вверх.

- Какие такие стрелки?

- Стрелки на часах, мальчик мой. Двенадцать полночь. Для этого надо иметь хорошие карманные часы, чтобы правильно показывали. Потому надо ведь успевать в правильное время. Надо вставать прямо на посередину, где дорога крест-накрест делает, и ещё обязательно чтобы был с собой виски, в который делал пи-пи.

- И Красавчик так и сделал?

- Говорят, сделал. Говорят, ходил он в пойме, взял с собой бутылку виски, куда делал пи-пи, и скрипку, и смычок, вставал на перекрёсток, и правда - когда проверял со спичкой свои карманные часы, кто-то ему вот так тук-тук по плечу.

Тогда он сразу повернулся, смотрит – а там дьявол. У него большая-большая голова, совсем как тыква, чёрный костюм и блестящий чёрный штиблет, и вот он весь улыбается, кивает на бутылку с виски и говорит Красавчику: «Это для меня?» А Красавчик, он говорит: «Да, для тебя, если только ты дьявол». А этот голова-тыква, он и говорит: «Я, можно так сказать, его главный бригадир, Фуфел».

– Фуфел?

Мисс Мэгги опять прервалась и сплюнула в чашку.

– Ага. Фуфел. Я-то всегда догадывалась, Фуфел – это, наверно, от «Вездефуфел». Ну, ты понял. ВездеФУФЕЛ.

– Да-да, мэм... А кто это – Вездефуфел?

– А это просто ещё одно имя для дьявола, Малёк. Вот как «лукавый» или «нечистый». Это, наверно, на Севере так его зовут или ещё где. Но вот именно этот – кто он был, взаправду сам дьявол или его какой-то слуга, тут сказать не могу. Только кто бы там не было, а он был во власти заключать сделку. Так вот, берёт он виски, хлебает один большой-большой глоток и говорит Красавчику: «Чего хочешь?» А Красавчик, он говорит: «Хочу, чтобы я играл на этой вот самой скрипке более лучше всем на белом свете». А Фуфел ему: хорошо, говорит, это можно, но надо, чтоб ты, Красавчик, поставляешь свой знак на нужном месте.

– Свой знак?

– Это уж так у них – нельзя, чтобы писать своё имя, надо, чтобы знак поставлять.

– Ой-ой.

– И вот Фуфел этот доставает у себя из плаща такую большую и длинную бумагу – такую бумагу господа-законники, который сами на дьявола сильно похожи, называют «контакт».

– Контакт?

– Вот именно, Малёк. Контакт.

– А, контракт!

– Ну ладно, тогда, значит, так. Только ты мне не поправляй. Некультурно.

– Хорошо, мэм.

– Тогда этот Фуфел, он вырывает из руки у Красавчика смычок и режет со смычком этим ему кончик от пальца. Потом приказает Красавчику поставлять знак на нужном месте – приложить палец, чтобы немножко кров остался, и говорит: «Вот, держи свой смычок. За то, что я тебе давал, ты мене свою душу давал».

Ладно, говорит Красавчик, и давай прямо тут же играть, и чудеса – кажется, как будто это у него вообще другой смычок и вообще другая скрипка. То есть они-то всё то же самое, но и не то же. Понял, чего говорю?

Я совсем уже запутался, но ответил, что понял.

– Так вот, Красавчик этот, он прямо там давай играть, и получается самый-самый красивый звук, какой только слышать можно. А когда заканчивал последнюю ноту, смотрит – а Фуфел и этот его контакт... то есть контракт с кровавым знаком, их как не было никогда.

Теперь Красавчик стал совсем рад. Он самый лучший скрипач. Его женщины любят. Он на танцы ходит, а вокруг всё женщины, женщины. Он дает всем выпить за бесплатно, а ему куча народу говорит – ай, какой ты добрый, Красавчик-скрипач! Вот это у Красавчика жизнь так жизнь! И вот попадает как-то на большом празднике в городе Биг-Сэнди, он играет, люди танцуют, а потом он остановился передохнуть маленько, и подходит такой к нему паренёк, заикается весь, ну и спрашивает, не можно ли ему тоже, значит, чтобы спеть и сыграть. Одна-два песенки, понимаешь.

Красавчик видит – да ведь тут он может ещё больше выглядеть молодец. Разрешает – пусть себе поиграет парнишка. Думает, этот-то всё равно с ним не будет сравняться – ему ж дьявол никак не помогал, так что если поиграет вот так

же, позаикивается, то и звучать это будет, как будто курица початок от кукурузы клювает. А сам Красавчик через это будет ещё более лучше показаться, понял?

- Да, мэ.

- И вот Красавчик этот, он хочет, чтобы ему все совсем заднее место станут лизать, вот он выводит этого парнишку и говорит: ну, значит, тут один хочет одна-два песенки поиграть, попеть маленько. Сам он, говорит, его ещё не слышал, но надо же дать пареньку возможность. И вот этот робкий парень - он, оказывается, с городка под названием Гилмер - выходит, ударивает со смычком по струнам - и ну давай наяривать! И знаешь что, Малёк?

- Нет, мэ.

- А хорошо выходит! Играет на этой скрипке, как будто с ней в руках родился. И поёт. Поёт вообще здорово, потому когда поёт, больше не заикивается. И все люди тогда танцуют, начинают притопывать да прихлопывать, и после как сыграл одну песенку, этот парень, как я слышала, на имя Ормонд, он ещё одну играет, потом ещё одну, словно бы это какой-нибудь ангел небесный держит смычок, и так вскорости про старого доброго Красавчика-то нашего все и забывали. И никому-то он уже не нужный стал.

- Ох он и разозлился, наверно!

- Ого-го-о-о, а как же! Вдруг ни с того ни с сего, прямо на посередине самого быстрого танца, Красавчик со своей скрипкой прыг и этому парню, Ормонду, прямо по темечке хрясь, а тот бах - упал. Он и давай его колотить. И колотил, пока скрипка на мелкий кусок не поломалась, а потом как давай Ормонда этого душить, душил, душил - совсем насмерть задушил.

Ну что? Все на Красавчика тут уставились, у него смерть на руках, а скрипка - а нету больше скрипки-то! На кусочка разлеталась вся. И вот он хватить скрипку у Ормонда этого и бегом бегёт через чёрный ход, пока люди сообразили, чего делать-то. Они - за ним. Только поздно. Красавчик пойму как своих пять пальцев знает, убёг, конечно. С тех пор и делался он Странник.

Потому как это было, что чёрный убивал чёрного, закон белых людей искать его не стал, а чёрные в этом разе ничего делать не могли, так вот. А Красавчик, он выбирался на другой стороне поймы и – давай себе.

– Что – давай?

– А странничать. Стал он, видишь ли, вроде как попрошайка. Ходит от одного дома к другому, пытается выпросить себе чего-то покушать и вообще, а люди слышат, что этот парень бродит по деревням со скрипкой, играет одну-два песенки за покормить, только играет совсем нехорошо. И люди, которые это слышат, они и не подумают, что это Красавчик, потому Красавчик – он ведь так хорошо играет, как свинья жрать умеет. А это всё-таки Красавчик.

– Как же это он так разучился играть?

– Дойдём об этом. Чего ты впереди забегаешь?

– Простите, мисс Мэгги.

– И вот где этот Странник со своей скрипкой приходит, тама и находят мёртвых женщин. Видишь ли, у него теперь тоска на сердце – такая горькая, что дальше некогда. Хотел всё время, чтобы женщины его любят, а теперь никак это к нему не идёт, потому он больше их привлекать через свою игру на скрипке не может, вот и жгёт ему теперь внутрих-то. Никто это взаправду не знает. Но это точно так, потому как три года он по Восточному Техасу ходит, цветных женщин и девочек убивает, а белый закон на это плевал вообще.

Но вот наконец попадается ему маленькая белая девочка, он её мучает и убивает. Сажается к нему на хвосте Ку-клукс-клан, потому как это ведь уже не просто черномазый убивал черномазого, понимаешь? А он-то делается всё больше и больше наглый, и вот убивает белую женщину возле кабаков в Глейдуотер, и тогда Клан его догоняет и режет в то место, куда никакой мужчина ни за чем не захочет, чтобы ему туда порезали, мазает его с дёгтем и валяет с перьями, повешает и жгёт на костре. Вот так вот и приходит Красавчику конец тут на этой земле, и это один немногий раз, когда Клан всем нам делал хорошо хоть немножко.

Ненадолго я призадумался над её словами. Наконец спросил:

– Почему же он всё-таки разучился на скрипке играть? Если уж дьявол дал ему такую силу, разве он её вот так запросто потеряет?

– Об этом я и сама думала. Вот как я поняла: голова-тыква ведь ему дает ту скрипку и говорит: будешь хорошо играть на этой вот скрипке – ну, вот именно так он и имел на виду. На этой вот скрипке. Когда он её разбивал и брал себе скрипку от покойника – а покойник-то учился играть через тяжёлый труд, а не через пи-пи в бутылку и поход на перекрёстке – вот он больше играть и не умеет. Понял?

Я понял. Но вопросы ещё оставались.

– Если вы не видели ни дьявола, ни его слугу, откуда знаете, что у него голова как тыква?

– Я-то узнала, какой он из себе, потому как знаю людей, даже мои родичи некоторые есть, которые дьявола видели и знает, какой из себе он сам и его слуга. Они ведь совсем по-разному бывают. Бывает, не всегда у них голова как тыква. Бывает, у них рога. Бывает как банкир или кто-нибудь из большой полетики, но я только так это себе представляла, какой он был тогда в ту ночь-то. Я, конечно, рассказ приукрашаю маленько, но это совсем не значит, что всё вообще неправда.

– А эта женщина, которую мы с Том видели, – думаете, это с ней сделал кто-нибудь, кто дьяволу душу продал? Странник?

– Если не продаваешь дьяволу свою душу, ты такой штук делать не будешь, малыш. Может, это и сам дьявол был. Ему иногда нравится сам свою работу делать.

– А как же Человек-козёл?

– Э-э, малыш, думаю, Человек-козёл – это, верно, дьявол и есть. Я же сказала, он может быть из себя любой, какой захочет, а козлиные рога и копыта – это разве не совсем как у дьявола? Была бы я дьявол, так я бы в пойме и бежала бы, потому как тама темно, мокро и всякое-разное много водится. Дай я тебе одно мудрое слово скажу. Держись-ка ты подальше ото всего, что на дьявола похожее, потому

как ты с ним поведёшься, а он тебе всю голову задурочит. Слышишь?

– Да, мэм.

– Ну, теперь бежи. А то мне ещё стираться надо.

– Хорошо, мэм. Спасибо за угощение.

– Да ни за что. Ты вот что, принеси водички с колодца и свинье моей дай – а то она, бедная, пить хочет. И заходи ещё в гости.

Я вышел и не стал плотно закрывать дверную ширму – не так, чтобы она хлопала на сквозняке, но так, чтобы распугать мух, которые на ней сидели.

Дошёл до колодца, опустил и вытащил бадью, перелил воду в ведро. Таскал ведро несколько раз, покуда не наполнил корыто в свинарнике.

Когда уходил, вспомнил, как мисс Мэгги однажды рассказывала, что мухи – это для дьявола всё равно что глаза и уши, и призадумался.

Оглянулся посмотреть на её домишко – а мухи-то снова расселись на ширме, а одна здоровая и жирная так и жужжит у меня вокруг взмыленной головы.

Хотел прихлопнуть, да увернулась и улетела.

5

В ту ночь я вернулся домой и уже лежал в постели; у противоположной стены в своей кроватке, которую папа крепко скотил из необработанных досок, спала Том, а я припал ухом к стене и слушал. Стены у нас были тонкие. Когда опускалась тишина, а за стеной говорили мама с папой, слышно было каждое слово.

– Доктор Стивенсон, старый-то врач, на неё и смотреть не стал бы, – сказал папа. – Говорит, ещё чего доброго в народе прознают, что у него в кабинете побывала цветная, так никто к нему уж больше не обратится.

– Ужас какой. А что доктор Тейлор?

– Ну он-то, думаю, хотя бы в какой-то мере по-настоящему учился врачебному делу. Вроде бы у них и медицинские училища есть – в Арканзасе или в Оклахоме, откуда он там.

– Из Миссури, – подсказала мама.

– Короче говоря, вот он бы на неё поглядел. Рвался туда со всех сил, будто это для него, понимаешь ли, какое-то приключение. Но не хотелось, чтобы он потом Стивенсону под горячую руку попался за то, что окажет мне услугу. Это по нему со временем может крепко ударить, помешать как-то его продвижению по врачебной службе. Тейлор ведь метит на место Стивенсона, когда старик через год-два уйдёт на покой, а парень-то он вроде хороший. Поэтому-то и отвёз я тело в Перл-Крик – показать тамошнему врачу.

Перл-Крик был городок, где жили одни цветные.

– Так она лежала у нас в машине? В смысле, машину-то это внутри не испакостило?

– Ну так я ж ничего у ней не повредил. После того как Гарри показал, где она находится, я вернулся, поехал к дому Билли Голда. Они с братом пошли туда вместе со мной, помогли обернуть её брезентом, дотащить и засунуть в машину. Обернули-то мы её как следует. Ни единой дырочки. Отвёз её до Перл-Крика, а там уже её заморозили во льду в ледохранилище.

– Не хотелось бы иметь дело с этим льдом.

– Вообще тело-то само было в весьма дрянном состоянии. Мясо отвалилось местами. Брезент выкинуть пришлось.

– И это-то ехало у нас в машине? Боже правый!

– Я, когда домой ехал, всю вонь повыветривал.

– Господи боже мой!

– Доктор Тинн, негритянский-то врач – он был в отъезде. До завтра не вернётся. За городом, роды принимает. Сгоняю туда поутру, может чего и разузнаю. Сам-то не смыслю ни шиша в такого рода убийствах.

– Уверен, что это убийство?

– Ну ты подумай, дорогая моя. Вряд ли она сама себя этак-то разрежала да в довершение всего примоталась к дереву проволокой.

– Какой же ты, Джейкоб, раздражительный... Проволока? Её что, проволокой примотали?

– Связали парой мотков колючей проволоки и пучком лозы. Кому-то это явно доставило удовольствие. Взяли кусок дерева и закрепили его на проволоке – вроде как рычаг, обернули всё это вокруг дерева, завели петлю, ну и затянули, а деревяшку вертели, как рукоять. А потом, сдаётся мне, он с ней ещё и позабавился.

– Да ну, не может быть.

– Я в этих штуках тоже не особенно смыслю, но ведь не сама же она привязалась к дереву-то. А касательно людей, какие творят подобные штуки, – что ж, тут мне два соображения приходят на ум. Мужик один рассказывал мне как-то: был, дескать, в Лондоне один такой тип – Джек-потрошитель. Тот тоже женщин резал. Просто так, смеха ради. Кусочки мяса из них выковыривал. А с женскими частями с ихними – забавлялся.

– Так это, должно быть, байки.

– Да нет, всё правда. Так ведь его и не поймали-то. Погубил незнамо сколько, а его так и не нашли и даже не раскрыли, кто таков. А вот ещё Сесиль у нас в парикмахерской – а ты пойми, он ведь о чём угодно будет болтать да слушать собственную болтовню, лишь бы не сидеть в тишине – так он вот чего

рассказывал: когда, мол, воевали они во Франции, служил с ними один парень, так тот по ночам рыскал по полю боя и высматривал, нет ли кого ещё живого – ну знаешь, кто ещё от ран не загнулся. Среди немцев-то. Ну вот он и творил с ихними телами всякое-разное. Как мужчина с женщиной. Только в другое место.

– В другое место, значит.

– Ну ты поняла. Туда.

– Вы и такое можете?

– Тут, как говорится, было бы желание, – вздохнул папа. – Парня-то этого из окопов было видать. Выйдет, значит, какой-то тип в мундире американской армии – ну и давай выделывать с ранеными всякие выкрутасы.

– Как же ему такое позволили?

– А поди найди такого же чокнутого. Кто ж вылезет на поле боя-то; ну а стрелять по своему они точно не стали бы. То ж война. Тогда ведь как думали: хотя бы кто-нибудь немцу отплатит, хоть таким образом. Сесиль вон говорит: на фронте мысли по-новому идут. На войне оно бывает. Как он понял, это просто способ был такой врагу отомстить. Часто видели по ночам этого парня, который творил это дело, значит: бродит среди мёртвых и умирающих, ищет, с кем бы позабавиться, и ещё Сесиль говорил, не обязательно они ему живые нужны были.

– Да врёт он, Джейкоб. Ей-богу, врёт.

– Сесиль говорит, проделает, значит, этот парень свои фокусы, а потом пропадает обратно в окопах. Были у каждого свои догадки, кто он такой, но точно никто того не знал. Видели только, в какую он одет униформу, а лица так и не разглядели ни разу. А если кто и разглядел – так тот помалкивал. Сесиль говорит, он и сам его как-то видел, только тот просто бродил по полю, как призрак. Тела рассматривал, да и всё. Удивительно, говорит, как это немцы по нему ни разу не шамальнули. И ещё говорит, никогда сам не встречал такого, кто бы видел, как этот парень, собственно, что-нибудь этакое делает. Видели только, как рыщет.

- Так Сесиль, выходит, ничего такого и не видел?

- Нет. Только сплетни всякие слышал.

- Значит, может, и это просто выдумки? Кто-то наплёл Сесилью баек, а он уже тебе их повторил.

- Может, Сесиль и сам всё сочинил. Но, положим, это правда. Вот ты подумай. Такому вот парню сходят с рук его проделки на фронте, а потом возвращается он домой...

- Но ведь он-то это делал с мужчинами.

- Так, может, только до них он и мог добраться. Может, он с тем же успехом, а то и с большей охотой, творил бы подобное с женщинами. Я-то по этим штукам ни разу не спец. Насколько знаю, нету и не было таких спецов, какие бы в них разбирались. Впрочем, кое-что мне приходит на ум. По тому, как именно проволока тело исколола, можно понять: когда он эту женщину связывал, та уже мёртвая была. Будь она живая, раны бы закровоточили, а по ним не скажешь, чтоб оттуда вытекло много крови. Может, конечно, это вода в реке поднялась и все потёки посмывала, только, сдаётся мне, она уже какое-то время была мертва, а он потом вернулся к ней пошалить. Всё равно как аллигатор заталкивает добычу в нору на речном берегу и возвращается, когда та малость долежится.

- Да никто бы не стал такое творить!

- Вот когда Джек Ньюман пристрелил своего шурина по пьяни на глазах у пятнадцати свидетелей, это было легко представить. А такое... Не знаю. Никогда ничего похожего раньше не видел. Есть у меня кой-какие мысли, но не больше того. Надеюсь, хоть этот доктор Тинн здесь чем-нибудь поможет.

После этого голоса стихли, а чуть позже мама сказала:

- ...что-то я не в том настроении после этой твоей сказочки на ночь. Ты уж прости, милый.

– Да ничего, – шепнул папа. Потом стало совсем тихо. Я свернулся под одеялом; меня одолевало незнакомое чувство, которое не знал я толком, как и назвать. Страх. Возбуждение. Ощущение тайны. Я ведь даже не подозревал, что бывает на свете нечто такое, о чём говорили родители.

Тогда же я решил, что встану как можно раньше да попробую уломать папу взять меня с собой в Перл-Крик. Он ведь передо мной в долгу. Как-никак тело-то я нашёл.

Я лежал и погружался в сон, потом пошёл дождь – сначала тихонько, а там и припустил как следует. Его шум наконец меня усыпил.

* * *

– Нет. Тебе со мной нельзя.

– Ну пап...

– Никаких «ну», «но», «если» или «может быть». Со мной нельзя.

Только-только забрезжил рассвет, а я в эту ночь толком и глаз не сомкнул – боялся, что не проснусь вовремя и не успею попросить поехать вместе с папой. Но усталости не было ни в одном глазу. Я кипел бодростью и воодушевлением. Ни в коем случае нельзя было выдавать, что я слышал их разговор через стену. Я невинно поинтересовался у папы, какие у него планы на день, он ответил – поедет в Перл-Крик, я спросил – зачем ему в Перл-Крик, а он сказал – надо, мол, выяснить кой-чего у тамошнего доктора насчёт трупа женщины, который я нашёл. Тут-то я и спросил, можно ли мне тоже поехать.

– Буду там тише воды ниже травы, – пообещал я.

– Допустим, что и будешь, сынок. Но всё-таки, по-моему, не стоит тебе со мной ехать. Это взрослые дела.

Мы сидели за столом. Папа ел яичницу из двух яиц, которую пожарила мама. Обмакивал в желтки большую лепёшку. Мне мама приготовила то же самое и налила полный стакан простокваши. Бутылку с колпачком, в которой хранилась

простокваша, мама опускала в колодец, чтобы держать её на холоде, и вытягивала по нашей просьбе.

Я спешно доел завтрак и допил простоквашу, опасаясь, как бы не проснулась Том – в те годы все мы были ранними пташками. Как только Том встанет и пронюхает, что я пытаюсь уломать папу на поездку, весь план накроется медным тазом, потому что Том тоже захочет поехать, а если папа не желает брать с собой меня, ей-то он уж точно откажет. Когда мы оба хотели одного и того же, папе было проще сказать «нет» нам обоим, чем кому-то одному разрешить, а другому отказать.

Он, конечно, уже сказал мне «нет», но я-то к тому времени усвоил, что «нет» не всегда означает «нет», по крайней мере, в первый раз. Когда папа отказал мне в третий, тут-то я понял: лучше пока заткнуться.

Наливая папе кофе, мама сказала:

– Послушай, Джейкоб, но ведь тело-то он уже видел. Отчего бы тебе не взять Гарри с собой? Не обязательно же ему снова смотреть на тело.

Не совсем то, на что я надеялся, но если удастся-таки уговорить папу, это будет хоть что-то. Кто знает, что из этого получится.

Папа вздохнул. Поглядел на маму – она улыбнулась. Тогда папа сказал:

– Ну не знаю. Ему по дому надо трудиться.

– А сегодня утром работы не так уж много. Могу и я за него всё сделать. Я да Том.

– Вот уж Том-то обрадуется, – хмыкнул папа.

– Ты ему просто разреши с тобой съездить, да и всё тут. Узнает, чем ты занимаешься, ну так и что в том такого?

Мама встала у папы за спиной и приобняла его за плечо. Посмотрела на меня и ободряюще подмигнула.

Папа на это больше ничего не сказал, молчала и мама, а я-то знал: когда папа готовится сделать решительный шаг, стоя на краю этакой мысленной канавы, лучше всего просто подождать. Значит, он ещё не совсем уверен в своём выборе и прикидывает в уме возможный расклад. Дальше одно из двух. Если дело примет оборот в нежелательную для меня сторону, то можно сколько угодно просить, умолять, канючить – толку не будет, едва только он окончательно определится с решением и сделает шаг, о поездке можно забыть. Тогда эту его мысленную канаву никак не перепрыгнешь.

Папа допил вторую кружку, попросил маму налить ему третью, чтобы взять в дорогу. Взглянул на меня, поджал губы и процедил:

– Можно. Но только не вздумай путаться под ногами. Едешь со мной туда, а потом обратно, не больше того, вот что заруби себе на носу.

– Хорошо, пап, – сказал я.

Мама намазала мне маслом здоровенную лепёшку, обернула её тряпочкой, которая применялась как подставка под чашку, налила ещё стакан простокваши и дала мне всё это в дорогу. Мы вышли к нашему «форду», папа завёл двигатель, и вот мы тронулись в путь.

Ездить на машине было увлекательно. Пользовались мы ею не каждый день. Экономили таким образом бензин и, по словам папы, берегли двигатель. К тому же не везде вообще можно было проехать на автомобиле. Приходилось топтать пешком, скакать верхом на муле или трястись в фургоне. Но сегодня был особенный день. Не только потому, что дорога вела нас в Перл-Крик, но и потому, что я ехал с папой навстречу новым открытиям.

Когда мы выкатились со двора, солнце уже припекало вовсю; папа вёл машину и пытался при этом прихлёбывать кофе, а я между тем умял свою лепёшку с маслом и впервые почувствовал, что переступил ту самую черту, за которой уже нет ребёнка, а есть взрослый мужчина.

* * *

Было сыро, и пару раз мы чуть было не завязли в раскисшей дорожной грязи, но в итоге всё же благополучно добрались до Перл-Крика.

«Перл-Крик» значит «жемчужный ручей», и ручей с таким названием действительно протекал через город. Местами он был широким и быстрым, а русло выстилал белый песок и перламутровая галька, отчего ручей и получил своё имя. По берегам росли вековые деревья гикори, величественные дубы да криволапые плакучие ивы с корнями толщиной в руку – они торчали из земли, оплетали берег, извивались как сказочные змеи и давали приют змеям вполне всамделишным.

На одном из берегов этого ручья и помещался названный в честь него городишко. Чтобы добраться до него с нашего берега, надо было пересекать поток по узкому дощатому мостику: доски трещали под автомобильными покрышками, конскими копытами или фургонными колёсами, будто мостик вот-вот развалится на части.

В Перл-Крике жили сплошь цветные, кроме старого Папаши Трисома: с помощью своих сыновей управлял он местным лесопильным заводиком, который, правда, принадлежал кому-то другому, а заведовать почтовой конторой и хозяйственной лавкой ему помогала жена.

Папаша женился на негритянке, поэтому среди белых его презирали, зато приняли среди цветных. В былые годы как-то раз по дороге верхом в город подстерегли его ку-клукс-клановцы, сбросили с лошади, раздели догола, отхлестали кнутом, обкорнали волосы, обмазали дёгтем, обваляли в перьях, лошадь застрелили, а самого отвезли в город, привязав к перекладине между двух машин, и в таком виде вышвырнули на площади перед лавкой.

Ходили слухи, что Папашу, верно, не линчевали только потому, что в Клане состоит какой-то его родственник. Как бы то ни было, Клан решил: хватит с него кнута и дёгтя с перьями. Папаша вернулся к своей негритянке, а ребята в балахонах с тех пор оставили его в покое.

У Папаши были сыновья – почти настолько же светлокожие, как он сам. Поговаривали, была ещё и дочка, да уехала на Север, чтобы выдавать там себя за чистокровную белую. Остальные трое были хотя и не чёрные, но недостаточно белые, а может, и не старались за них сойти, и сплошь мальчишки: Джеймс,

Джеремая и Дрын. Двоих окрестили в честь библейских Иакова и Иеремии, а третьего по-настоящему звали Уильям, но все знали его под кличкой, полученной, по слухам, за выдающиеся размеры его прибора. Был Дрын придурковат и известен тем, что любил время от времени прилюдно обнажаться. В этом не крылось никакого дурного умысла, и раздевался он явно не затем, чтобы показать кому-то своё хозяйство. Ну вот просто нравилось парню тереть свой инструмент и не хватало мозгов сообразить, что это неприлично. По этой причине Дрыну разрешалось водиться почти исключительно с неграми. Боялись, что он примется за своё излюбленное занятие перед белыми, а тогда, даже при том что дурачок не вполне понимает, что можно, а чего нельзя, его и линчевать могут запросто.

Вся жизнь Перл-Крика основывалась на обработке дерева. Само поселение образовалось вокруг лесопилки, и для большинства жителей сама эта лесопилка да хозяйственная лавка составляли весь мир. На лесопилке платили жалованье, но выдавали его в основном в талонах, а обналичить их можно было только в лавке. Такое вот своеобразное долговое рабство.

Возник Перл-Крик на месте пойменного болота; землю расчистили от леса и сделали пригодной для строительства и жилья, однако она по-прежнему оставалась топкой и влажной и привлекала тучи комаров. Папа, бывало, говорил, будто бы водятся там такие здоровенные москиты, что могут поднять человека в воздух, утащить и сожрать с потрохами, а затем будут носить его ботинки.

В тот день мы не встретили по пути ни одной машины – тогда в наших краях их было не так уж много, зато нам попалось несколько наездников, какой-то мальчик, идущий пешком, и три повозки, запряжённые мулами.

Наш автомобиль полз по дороге, словно раскалённый на солнце чёрный жук, и, когда мы миновали хлипкий мостик и въехали в болотистые пределы Перл-Крика, одежда пристала к телу, лица покраснелись, а во рту совсем пересохло.

Остановились мы перед лавкой. Это было длинное и обшарпанное бревенчатое строение под жестяной крышей и с навесами на заднем дворе. Мы вылезли из машины и направились к общественной водяной колонке. Только там во всём городке можно было достать проточную воду, если не считать ручья, куда завод сбрасывал опилки и бог весть что ещё. Также вдоль берега стояло несколько нужников, и хотя некоторые считали, что всю дрянь уносит течением и вода вполне пригодна для питья, папа всё же относился к этому настороженно и пить

из ручья не велел.

Он предостерёг:

– Там, Гарри, полным-полно таких мелких тварей, какие зовутся микробами. У берега, на дне, во мху, на камнях и так далее, попадают в воду, а оттуда – прямо в тебя, а уж как попадут, так непременно хворь какую-нибудь подцепишь. Сам-то я ни разу микробов этих не видел. Но они там уж точно есть, только мелкие, куда как мельче личинки клеща.

Мысль, что микробов можно разглядеть только в микроскоп, похоже, не до конца укладывалась у папы в голове. Он мог, конечно, представить себе что-то крохотное, но чтобы настолько – вряд ли.

Папа накачал для меня воды. Я подставил голову под струйку, ополоснул волосы, лицо и руки до локтя. Потом мы поменялись. Наконец папа вынул из кармана гребешок, тщательно вычесал влагу из своих коротких чёрных волос, уложил их на пробор и передал гребешок мне. Я разок-другой прошёлся по волосам, вернул его папе, и мы вошли в лавку.

Папа сказал:

– Можно ещё захватить газировки.

Именно это я и хотел от него услышать.

Лавка была сердцем Перл-Крика – так было во многих поселениях, выросших вокруг лесопилок, особенно таких, где жили цветные. До Восточного Техаса различные нововведения всегда доходили с опозданием. Как помню, за пределами городов электричество появилось не раньше сороковых, да и то ещё не все города могли им тогда похвастаться. В Марвел-Крике, как упоминалось, имелось кой-какое электричество, но тогда оно ещё не распространилось повсеместно по городским и деревенским жилищам.

Управление по электрификации сельской местности протягивало провода от дома к дому, но дома цветных обходило стороной. К иным цветным провели ток через год или два после всех остальных, а кое-кто так и остался сидеть без

света. Если в Восточный Техас все блага цивилизации попадали после того, как появлялись во всех прочих краях, то цветное население Восточного Техаса получало к ним доступ намного позже белого, да ещё, как правило, в ухудшенном виде. Линкольн-то, положим, давно уже подарил рабам свободу, но в то время жизнь чернокожих не больно-то отличалась от той, какая была до Гражданской войны.

Лавка у Папаши была что надо. Там продавалось почти всё, что душе угодно: начиная от съестных припасов и содовой воды и кончая мебелью, тканями для одежды и занавесок, гвоздями, свечами, мылом, маслом для волос, бензином и керосином. Я любил там бывать, разглядывать товары на полках и вдыхать их запахи.

Когда мы вошли, Папаша Трисом стоял за прилавком, попивал кока-колу и подкреплялся грубо отхваченным шматом болонской колбасы. Увидев папу, он заулыбался. При недостатке зубов и с полным ртом колбасы его улыбка не больно-то радовала глаз. Видал я рты и получше – хотя бы даже и с проглоченными рыболовными крючками.

Папа был знаком с Папашей всю жизнь, ещё до того, как тот женился на негритянке. Звали её Камилла. Это была крупная, дородная женщина, стирала бельё для семьи каких-то белых неподалёку от Перл-Крика. Ещё она трудилась повивальной бабкой, а как-то раз самолично отмутузила кулаками двух негров за то, что те подначивали Дрына скинуть штаны. Они-то уверяли, что всего лишь хотели взглянуть на баснословный причиндал, в честь которого парень получил свою кличку, но это не имело значения, Камилла их отговорками всё равно не прониклась.

Папаша меня немного пугал. Тощий будто пугало, а на голове копна седых волос – стоят торчком, точно иглы у дикобраза. Изредка надевал он вставную челюсть, но она лязгала, клацала и всё время съезжала вбок при разговоре, как будто стремилась поскорее выбраться из Папашиного рта. Поэтому старик по большей части ходил беззубым.

Кроме того, Папаша ещё и двигался престранно. Дёргался и корячился всем телом, точно к нему были привязаны невидимые нити, а кто-то тянул за них как попало сразу в две, а то и в три стороны. Теперь-то я полагаю, что он страдал каким-то нервным или мышечным недугом, но тогда поговаривали, будто это его трясёт от волнения.

Вокруг печки-буржуйки, сработанной из железной нефтяной бочки, стояло в беспорядке несколько плетёных стульев; папа купил нам по бутылке кока-колы, свернул крышки открывалкой, и мы расположились на этих стульях, выпили и чуток отдохнули. В это время года печь не топилась, но заслонка была открыта, и я заметил внутри золу, обрывки бумаги и арахисовые скорлупки – их набросали туда посетители. В лавке, даже нетопленной, стояла гнетущая жара, словно в духовке, потому что жестяная кровля собирала и удерживала тепло.

Но если не ёрзать, не вставать со стула и не спеша потягивать газировку, было вполне сносно.

Папаша подошёл ближе. Я вежливо поздоровался, а затем старался не смотреть на него, пока не допью кока-колу.

– Га-ажят, дам у важ в ледохванилижже мёвдвая девжёнга, гожбодин гонждебль, – как попало шлёпая губами, прошамкал Папаша.

– Так и есть, – кивнул папа. Я поразился: как это он понимает старого Трисома? – Об этом вообще-то не следовало бы знать всем и каждому, но, похоже, недооценил я силу народной молвы.

– А жево вы ад нажево говодга ожидави, – крикнул Папаша и отошёл обслужить толстую цветную женщину в платье, сшитом из кустарно окрашенной мешковины, и в картонной шляпке с яркими бумажными цветами на тулье.

Мы допили колу, папа прогулялся чуток по лавке, поразглядывал мебель, которой мы при всём желании не могли себе позволить, а потом спросил Папашу, нельзя ли прикупить немного бензина.

Папаша отвёл нас за лавку в сарай, ключом открыл бензоколонку, поработал ручкой и наполнил вместительную жестяную канистру. Папа залил бензин в бак и сказал вернуть канистру Папаше.

Когда я вышел из лавки, папа неподвижно сидел за рулём и грезил наяву. Тут-то я и осознал: всё это время он тянул кота за хвост – рассматривал товары в лавке, покупал бензин, хотя нам вроде было по-настоящему и не нужно, просто медлил, не желая приступить к тому, к чему вот-вот придётся приступить.

Папа вздохнул, завёл «форд», объехал изрытую колёсами грязную площадку, по краям которой тут и там лепились строения на сваях, или, как иногда говорили, на ножках. Построили их таким образом, конечно, затем, чтобы не затопило при паводке. По большей части это были жилые дома, за ними угадывались огороды или свиные загоны, но было там и здание конторы с надписью «ДРЕВЕСИНА ПЕРЛ-КРИКА», табличкой с фамилией юриста и вывеской «ЗУБНОЙ ВРАЧ». Рядом виднелась парикмахерская с красно-белым шестом перед входом.

Хотя на лесопилке трудилось множество рабочих – у многих было всего по три пальца, а у кого недоставало руки, – куча народу болталась без работы, толкалась на площади или сидела на скамейках или на ступеньках крыльца. Большинство кучковалось у парикмахерской для цветных, как стая ворон на заборе. Одеты были скромнее некуда: комбинезон, соломенная или фетровая шляпа да стоптанные и просящие каши рабочие ботинки.

Наблюдались и старухи – все, конечно, тоже чёрные, какие в платьях, а какие в комбинезонах и шляпах, как мужчины. Носились туда-сюда ребяташки – поскальзывались, падали, бултыхались в грязи и галдели, скатываясь по пологому склону к ручью.

Остановились мы у побеленного домика: с одной стороны от него располагался ухоженный цветник, а с другой – крохотный огородик, обнесённый мелкочаеистой проволочной сеткой. В огородке – около десятка помидорных кустиков, привязанных к колышкам, несколько стеблей кукурузы, пара грядок гороха и четыре крупных белых патиссона – обвалить бы их в муке да изжарить! Возле огорода копошились в пыли четыре курицы-бентамки во главе с петухом, а рядом лежала на боку и часто дышала от жары, словно только что пробежала кросс, собака палево-песочной масти.

Когда мы выбрались из машины, собака несколько раз вильнула хвостом, но быстро перестала, чтобы не выбиться из сил от натуги. Куры бросились врассыпную, а когда мы поднялись на крыльцо, снова собрались в том же самом месте и продолжили выклёвывать из грязи что-то незримое.

На голой вершине холма виднелась лесопилка, и было слышно, как идёт шлифовка древесины: мулы тянули пилы, а пилы разгрызали брёвна на доски. Опилки по склону холма сползали в ручей. Ближайшие к заводу были орехового

цвета, которые постарше – потускнели и почернели от времени; они сыпались в воду, постепенно накапливались и уносились течением.

Папа снял шляпу, постучал в дверь, и та почти сразу же открылась. Оттуда выглянула пышная чернокожая дама в плотно облегающем синем платье.

– Я – констебль Коллинс. Меня ждёт ваш муж.

– И верно, сэр, ждёт. Заходите.

В доме пахло вкусно – варилась пёстрая фасоль. Комната была опрятно обставлена простенькой мебелью – отчасти фабричной, но в основном самодельно сработанной из сырого дерева да ящиков из-под яблок. На стене висела книжная полка. Столько книг в одном месте за раз я ещё не видал, да, пожалуй, до конца дней своих уже не увижу. Попадались кое-какие художественные произведения, но в основном труды по философии и психологии. Тогда я и слов-то таких не знал, но многие названия врезались в память, и спустя годы я понял, что это были за книжки такие.

Дощатый деревянный пол недавно выскребли от грязи, и теперь от него одуряюще пахло смазкой. На стене также висела картина. На картине в синей вазе на столе у окна стояли жёлтые цветы, а за окном среди туч сияла луна.

Дом выглядел намного изысканнее, чем наше жилище. Прикинул я, что врачебное дело, даже для чернокожего, – не такой уж плохой способ зарабатывать на хлеб.

– Вы уж извиняйте, я на минутку – погляжу, где он там, – сказала дама и скрылась за дверью.

Папа тоже рассматривал обстановку, я увидел, как что-то шевельнулось у него в горле, а лицо омрачила грусть, но тут вернулась дама:

– Доктор Тинн на заднем дворе. Вас ждёт, господин констебль. А это ваш мальчик?

Папа сказал – да.

– Ишь ты, какой очаровательный сорванец. Как делишки, малёк?

Точно так же называла меня мисс Мэгги.

– Хорошо, мэм.

– Ой, и воспитанный-то какой! Заходите ещё.

Она провела нас через заднюю дверь, потом мы спустились по лестнице. За домом обнаружилась аккуратная белая постройка, и мы вошли внутрь. Там была пустая комната с белыми стенами и большим письменным столом, а пахло как будто скипидаром. У стола стоял кленовый стул, а на стуле висел пиджак. У стен располагалось несколько шкафов для бумаг, ещё одна книжная полка – вдвое меньше, чем в доме, и ряд крепко сколоченных стульев. На стене я заметил картину – она походила на ту, что в доме. Картина изображала берег реки: чёрная земля и раскидистые деревья, а между деревьями длинная тонкая тень над рекой.

– Доктор Тинн! – позвала дама.

И вот дверь отворилась, и вышел оттуда крупный цветной мужчина, старше папы; он вытирал руки полотенцем. Мужчина был одет в строгие чёрные брюки и белую рубашку с чёрным галстуком.

– А, господин констебль, – произнёс мужчина. Однако руки не подал. Тогда нечасто можно было увидеть, чтобы цветной жал руку белому.

Папа протянул ладонь, доктор Тинн удивлённо перебросил полотенце через плечо, и они пожали друг другу руки.

– Думаю, знаете, зачем я здесь? – спросил папа.

– Знаю, – кивнул доктор Тинн.

Когда он подошёл ближе, я понял, какой доктор Тинн на самом деле огромный. Должно быть, под два метра, да ещё с широченными плечами. Доктор носил короткую стрижку и усики – тонкие, как лезвие опасной бритвы. Чтобы их

разглядеть, нужно было тщательно присмотреться.

- Вижу, с супругой-то моей вы уже знакомы, - сказал доктор Тинн.

- Ну формально ещё нет, - ответил папа.

- Знакомьтесь, миссис Тинн, - произнёс доктор.

Миссис Тинн улыбнулась и вышла.

Папа с мамой называли друг друга по имени, но в те годы было вполне обычным делом, чтобы супруги обращались между собой с соблюдением всех формальностей, по крайней мере на людях. Однако я-то к такому не привык, и подобное обращение казалось мне диковатым.

- Тело вы уже осмотрели? - спросил папа.

- Нет. Вас дожидался. Подумал - вместо того, чтобы тащить её сюда, проще будет сходить в ледохранилище. Там всё и провести. Вот захвачу кое-какие нужные штуки, да и пойдём. И скажите мне, где нашли тело-то. Хотелось бы знать кой-какую подоплёку.

- Как скажете, - согласился папа.

Доктор Тинн задумался:

- А что с мальчиком?

- Пару часов пусть сам погуляет, - сказал папа.

У меня оборвалось сердце.

- Ну тогда ладно, - доктор Тинн снял пиджак со спинки стула. - Пошли.

Ледохранилище находилось в большом обветшалом на вид амбаре; когда-то был он выкрашен белой краской, но теперь она вся посерела и пооблупилась. Узкое крыльцо было сложено из свежей древесины – больше ничего нового в этом здании не имелось.

Я знал: внутри пол ледохранилища посыпают опилками. На них штабелями громоздят крупные ледяные глыбы. Ещё там есть стол – на нём от них отпиливают ледышки поменьше, а их потом взвешивают на пружинных весах и спускают по жёлобу в телегу или в кузов грузовика. А лёд такой холоднющий, что если потрогать его рукой, то обожжёшься, а ладонь к нему прилипнет.

А ещё там есть тело. То самое тело, которое я нашёл.

Когда мы подошли к ледохранилищу, у папы вырвалось:

– Вот те раз!

На крыльце, одетый в запylённый белый костюм с брызгами грязи на туфлях и штанинах, сидел и обмахивался соломенной шляпой доктор Стивенсон.

Возле него на крыльце стояла фляга с какой-то тёмной жидкостью – увидев папу, он приложился к горлышку и отставил флягу в сторонку. Рот у доктора Стивенсона как будто не хотел широко открываться, чтобы оттуда вдруг гвозди с заклёпками не повываливались. От его взгляда делалось неуютно – смотрел он так, будто подыскивал, куда бы вам нож всадить.

– А этот что тут забыл? – спросил папа у доктора Тинна.

– Вот уж не знаю, сэръ, – ответил доктор Тинн.

– Нечего меня в сэры производить, – сказал папа. – Я же с тобой попросту, вот и ты со мной давай без всяких там сэров.

– Да, сэръ... Хорошо, господин констебль.

В это время к ледохранилищу подошёл и доктор Тейлор. В руках он держал бутылку газировки и какие-то сладости из Папашиной лавки. Нарядился Тейлор на этот раз более чем элегантно – с чуть бо`льшим изыском, чем мы привыкли видеть. Штанины брюк, скроенных по последней моде, каким-то образом удалось ему уберечь от грязи, а вот туфлям пришлось похуже. Чистенькая белая сорочка на вид была такой шелковистой, точно пошили её не иначе как из ангельских крылышек. На шею доктор повязал тонкий чёрный галстук – тот поблёскивал, как влажная чешуя водяной змеи, – а мягкую чёрную фетровую шляпу лихо заломил набекрень, словно собрался скорее на танцы, а не на осмотр искалеченного трупа. Интересно, подумал я, а не забыл ли он надеть свою монетку на цепочке?

– Это вот – доктор Тейлор, – сказал папа доктору Тинну. – Он интерн, или как это у них там называется. Приехал со Стивенсоном, потому как тот подумывает уходить на покой, вот Тейлор и решил завести со всеми знакомство, чтобы прибрать себе рабочее место. Он немного франтоватый, ну а так парень-то свой, как мне кажется.

– Сомнительно, что он желает заводить знакомство с нашим-то братом, – протянул доктор Тинн.

– А ты, похоже, прав, – проговорил папа. – Давай тогда его куда-нибудь сплавим.

Папа обернулся ко мне, потрепал по макушке:

– Ну всё, Гарри, до встречи.

Удручённый, побрёл я по улице, потом оглянулся на ледохранилище, понаблюдал, как папа и доктор Тинн заходят туда вместе с доктором Стивенсоном.

Я запутался. Я ведь слышал, как папа говорил, будто старый доктор не захочет иметь дело с трупом, потому что женщина была цветная, но вот же он – выбрался из кабинета, снизошёл до поездки в негритянский городок, чтобы поглядеть на тело! А с ним и доктор Тейлор.

Так размышлял я обо всём об этом, но вдруг позади послышался скрип; я обернулся и вижу: в таратайке, крытой ивовым прутом и рубероидом, едет

дряхлый безногий чернокожий старик, а везёт таратайку большой и откормленный белый боров, одетый в кожаную упряжь. Старик совсем лысый, и череп у него сморщенный, точно кожаный мешок, который скомкали, а затем попытались разгладить вручную. Складки на лице такие глубокие, хоть карандаш там прячь. Во рту ни единого зуба. В целом выглядел дедок гораздо старше мисс Мэгги. Да что там, она, по сути, ему во внучки годилась.

В руке у старика был зелёный ивовый прут – им он понукал борова по жирному задку. Боров похрюкивал, и таратайка довольно-таки бойко катилась. За тележкой со стариком шли двое мальчишек – мои ровесники, один цветной, а другой белый. Одежка на них изнасилась даже сильнее моей. У темнокожего мальчишки штаны разошлись на колене, и не имелось никаких признаков, что кто-то пытался залатать дырку. У белого штаны на колене тоже разошлись, но на дыру нашили заплатку из мешковины, и эта заплатка, по всей видимости, много раз за свою жизнь подвергалась окраске: скорее всего, соком трав и ягод, брызгами дорожной грязи да глиной береговых круч.

Я заметил, что народ, который толкся вокруг, стекается к ледохранилищу и собирается перед ним, словно стая скворцов на ветке. Тогда я понял, что тело в хранилище – не такой уж большой секрет.

Дед осадил свиную упряжку рядом со мной. Посмотрел на меня слезящимися глазами, открыл беззубый рот и заговорил:

– Как делишки, бельчонок?

– Хорошо, сэр.

Сказать по правде, он меня пугал. Никогда я не видал настолько дряхлого старика, и уж точно не в подобном положении – чтоб без ног, да ещё в таратайке на свинячьем ходу.

Белый мальчишка, который шёл наравне с дедом, представился:

– А меня Ричард Дейл зовут. В пойме живу.

Думаю, этот Ричард Дейл был чуть старше меня. Скулы тонкие, губы пухлые и пунцовые, а такие носы, какой был у него, мы в те годы кликали римскими. Иные умники, бывало, острили: «Ну да. Ещё бы, торчит посреди лица, будто римская свеча».

Я сказал, что тоже живу в пойме, объяснил, где именно. Его часть поймы находилась на противоположной от нас стороне. Сама местность называлась Песчаной поймой: в отличие от наших краёв, богатых красной глиной и бурой почвой, там у них попадался всё больше белый песок.

Цветной мальчишка назвался Абрахамом. Выглядел он очень бодрым и деятельным, как будто нахлебался кофе и ждёт, что вот-вот случится что-нибудь значительное – например, налетит торнадо, грянет наводнение или свалится прямо под ноги сундук, набитый деньгами.

Были мы все примерно одногодками, все быстро начинали скучать и немного устали от общества взрослых – стоит ли говорить, что мы тотчас же закорешились?

Абрахам сказал:

– А у нас с Рики карты с голыми тётками есть!

– Только вот они не с собой, – поспешно добавил Ричард, чтобы я, чего доброго, не попросил выложить их для ознакомления.

– Ага, – разочарованно протянул Абрахам. – Они в штабике на дереве, а это отсюда совсем не близко. А ещё у нас негробойки есть. Я вот в консервную банку с тридцати футов попаду, спорим?

«Негробойкой» называли самодельную рогатку из язычка ботинка и куска шинной резины на палке. Название это было совершенно обычным, и Абрахам произнёс его, не задумываясь, безо всякого стыда.

– Слышали мы, тама тело мёртвое привезли, – добавил Абрахам. – Женщину какую-то убили.

Я не выдержал:

- А ведь это я её нашёл.

- Ага, конечно, - усмехнулся Абрахам. - Фигушки. Так мы и поверили. Кому другому лапшу навешивай!

- А вот и правда! Там мой папа щас внутри. Он в наших краях констебль.

- Ну тут-то у него уже полномочий нету, - вмешался дед в таратайке на свиньячем ходу. Слышал старый, как оказалось, вполне себе прилично. Я подумал: а ведь, поди, слышал он и то, как мы разговаривали про те карты с голыми тётками, и смутился.

Ричард Дейл сказал:

- А это у нас дядюшка Фараон. Ноги ему отрезали - это после того, как разодрал их дикий кабан. А кабана-то звать Хрюндель Джесс. Только это не дикий кабан. Этот - очень даже домашний.

- Очень жаль, - обратился я к старику.

Он воззрился на меня, словно на какой-нибудь доселе не виданный диковинный овощ:

- Чего тебе жаль-то?

- Я про ваши ноги.

- А, это, - бросил он. - Да ну их. Не вчера ведь случилось. Я привычный.

- А тело-то ты где нашёл? - спросил Абрахам, и я выложил всем троим свою историю. Закончил так:

- Я-то думал, раз уж я её отыскал и уж всяко видел, папа позволит мне снова на неё поглядеть да послушать, чего доктор скажет, только вот папа не захотел.

– А у них вечно так, – сказал Ричард. – Взрослые думают, им всё знать надо, а нам ничего нельзя, даже одним глазком взглянуть – и то ни-ни. Эй, а пошли-ка поиграем, не хочешь?

– Не-а, – сказал я. – Я лучше тут подожду.

Ричард подмигнул:

– Да погнажи играть, чего ты?

Абрахам заулыбался, и я задался вопросом: чем же это таким они собрались заниматься? Надеюсь, не курить виноградные листья или, того хуже, табак, потому как меня что от одного, что от другого всю жизнь с души воротило. Когда бы и что бы я ни пробовал, неизменно прихватывало живот.

Ричард прижался вплотную и заговорщицки произнёс:

– Мы с Абрахамом тут кое-что знаем такое, чего тебе точно захочется знать про это тело. Айда с нами.

Я поразмыслил над предложением, но только на секунду. Мальчишки попрощались с дядюшкой Фараоном, и я побежал с ними в сторону ручья. Меня провели вдоль берега и наверх, за ледохранилище, где росло большое чётковое дерево.

Ричард шептал:

– Мы с Абрахамом – мы в этих местах всё-превсё знаем. Вон тама, наверху в крыше, есть большущая дыра, прямо над приёмным цехом, где лёд выгружают. Над ней лист жести лежит, но можно его отодвинуть, и тогда гляди – не хочу. Если его не слишком далеко сдвигать, снизу ничё не заметят – тама как раз тень от дерева падает. Ни один лучик не пробьётся! А ещё, само собой, и трещины всякие в крыше. Блеснёт немного солнце то там, то сям – никто и ухом не поведёт!

– А что, если они в другой комнате будут? – спросил я.

– Ну будут в другой, и ладно тогда, – сказал Абрахам. – А ну как всё-таки в той?

Мы побежали к чётковому дереву – Ричард во главе, Абрахам – следом за ним, а я – последним. Дерево было высокое и раскидистое, некоторые ветви нависали над ледохранилищем. Мы вскарабкались на эти ветки, а оттуда – на крышу. Ричард пролез по крыше до дыры в кровельной дранке, которую укрывал жестяной лист. Оттащил его рукой. Из хранилища вырвался поток холодного воздуха и приятно обдал нас лица. Тучи над нами потемнели, как бы сгущая тени, чтобы помочь нашей задумке.

Мы оглянулись на толпу. Снизу на нас открывался отличный обзор. Кое-кто махал нам рукой. Я подумал: ох и влетит же мне потом от папы! Но игра всяко стоила свеч. Этим людям ни к чему сдавать меня отцу. Они ведь даже с ним незнакомы. И, как водится у цветных, скорее всего предпочтут не соваться, когда дело касается белых.

Поначалу не было видно ничего, но можно было разобрать звуки разговора. Я узнал голос доктора Стивенсона. Говорил он громко и явно находился под хмельком. Как раз когда я вдруг струхнул и подумывал уже было спускаться, Ричард взял меня за плечо и в поле зрения показались двое чернокожих – они внесли длинную и узкую цинковую ванну, набитую льдом, и, понятно, в ней же лежало мёртвое тело.

Труп прикрывал большой льняной мешок, но как только ванну установили на столе для резки льда, мешок сдёрнули, и я смог разглядеть всё хорошенько.

Глядя на мёртвую сверху, я почувствовал нечто странное. Это было то же самое тело, которое я нашёл той ночью. Но тогда со страху померещилось, будто росту в нём футов десять, не меньше. Теперь же оно оказалось маленьким, опухшим, беспомощным и – неожиданным образом – человеческим. В этом теле когда-то обитала живая душа, и само оно когда-то жило, ело, смеялось и мечтало. Ну а сейчас это всего лишь жалкая оболочка из брэнной плоти – без души. Я то ли учуял, то ли вообразил, будто чую, как из ледохранилища вместе с волной прохлады поднимается тяжёлый дух разложения.

В этот миг для меня ещё кое-что изменилось. Я осознал, что человек на самом деле бывает смертен. Мама с папой тоже могут умереть. Я и сам могу умереть. И все мы когда-нибудь умрём. Во мне вдруг образовалась какая-то пустота:

пошевелилась, подыскала себе местечко, улеглась и затихла, если не насовсем, то, по крайней мере, на время.

Голова женщины запрокинулась назад и частично погрузилась в кубики льда. Рот открылся, там не хватало зубов. Оставшиеся зубы поломались и выщербились, и я сразу же понял: их ей выбили. Разрезанные груди завалились за спину, а кровь смёрзлась и посерела.

Впервые в жизни видел я женское причинное место, но там, по сути, и смотреть-то было не на что. Всего лишь тёмный треугольный лоскуток. Колени у несчастной женщины слегка изогнулись, левое бедро опустилось, а правое задралось немного кверху. Руки вытянулись вдоль тела, а пальцы скрючились, как когти. Лица было толком и не разобрать. На нём не осталось живого места. Там, где тело истыкала проволока, виднелись проколы. По всему телу шли многочисленные порезы.

Доктор Стивенсон, потягивая из фляги, вразвалку подошёл к телу и склонился над ним:

– Так, ну и кто тут у нас – никак очереднаядохлая черномазая!

Цветные, которые принесли оцинкованную ванну с трупом, опустили взгляд. Того, что стоял от него справа, доктор Стивенсон поддел локтем:

– Скажи ведь, парень?

Негр чуть приподнял подбородок и, не глядя доктору Стивенсону в глаза, пробормотал:

– Да, сэр, так и есть.

Мне стало стыдно, что этот цветной так много ему позволяет. Он ведь большой и сильный, захочет – может доктору Стивенсону одной левой голову оторвать. Только вот если оторвёт, то будет болтаться на суку ещё до вечера, а может, и вся его семья вместе с ним, да и любой другой чернокожий, который попадётся под руку Клану.

И Стивенсон об этом знал. Об этом знали все белые. Это знание придавало им наглости.

Краем глаза покосился я на Абрахама. Он переменялся: теперь в его лице читался не ребячий восторг, а что-то такое, чего мне разгадать не удалось.

Вот уже папа подошёл посмотреть на тело и сказал доктору Стивенсону:

– Я-то думал, вы не станете осматривать мёртвую. Не захотите.

– В городе и правда не стал бы. Ни один белый за сотню миль не пожелает иметь со мной дела, если прознает, что у меня в кабинете лежала цветная. Приличная белая женщина уж точно не захочет, чтобы её осматривали в таком месте. Без обид, ребята, но цветным отдельно от белых жить надо. Об этом вон даже в Библии сказано. Чёрт возьми, да вы, ребята, радуйтесь, что вам не надо об этом заботиться. Счастливчики вы, вот оно что... Тейлор мне тут сказал, мол, нелишне будет взглянуть. Нелишне, дескать, будет приехать да помочь вам, ребята.

Доктор Тейлор смущённо улыбнулся; от света лампы у него на зубах блеснула капелька влаги.

Доктор Тинн не сдвинулся с места. Он стоял с опущенной головой немного сзади от папы и доктора Стивенсона и не знал, куда деть руки, хотя я примерно понимал, от какого желания они у него чешутся.

Доктор Тейлор встал у края стола, спокойно осмотрел тело, целиком окинув его взглядом.

Доктор Стивенсон бегло оглядел мёртвую, пощупал, пошевелил легонько и произнёс:

– Сдаётся мне, это её дикий кабан задрал.

– Ну да, а потом привязал её к дереву колючей проволокой? – вставил папа.

Доктор Стивенсон воззрился на папу, как на идиота:

– Имею в виду, до того, как её привязали к дереву.

– Так вы говорите, это её кабан убил?

– Говорю, могло быть и так. У них ведь клыки – что твои ножи. Уж я-то видел, как они раздирают мясо.

– Доктор Тинн, – сказал папа, – вы знаете эту женщину?

Доктор Тинн приблизился, тоже осмотрел убитую:

– Вряд ли. Я, впрочем, послал за преподобным Бэйлом. Он вроде как уже должен явиться.

– А это ещё зачем? – спросил доктор Стивенсон.

– Он в наших краях почти со всеми знаком, – объяснил доктор Тинн. – Я подумал, может, он её опознает.

– Чёрт возьми, как это вы одну цветную от другой отличите, никак я в толк не возьму, – усмехнулся доктор Стивенсон. – Ни в жизнь бы не подумал, что вы, ребята, способны уследить за своими жёнами. Хотя вы-то, верно, и не пытаетесь.

Стивенсон засмеялся, как будто все вокруг разделяли его веселье. Старый врач не понимал, что ведёт себя по-хамски. Он был столь глубоко убеждён, будто цветные и белые действительно отличаются по своей природе, что думал, будто это ясно всем и каждому.

Я увидел, как дрожат плечи у доктора Тинна. Доктор Тейлор слегка изменился в лице. Он ненадолго опустил взгляд, потом снова поднял и сосредоточился на трупе.

Доктор Стивенсон сказал:

– Теперь я осмотрел её получше и думаю, что это проделки ягуара.

- Ну да, ягуары – они ведь тоже любят людей колючкой к деревьям приматывать, как и кабаны, – возразил папа. Я заметил, как у доктора Тинна изменилось выражение лица. Папины слова ему явно понравились.

- Это-то я понимаю, – теперь тон доктора Стивенсона сделался резче. – Я к тому веду, что задрал её ягуар, а потом кто-то другой проходил мимо, какие-то чернокожие мальчишки – вот они-то и привязали её к дереву.

- Зачем это? – спросил папа.

- Да так, для потехи. А почему бы и нет? Ты ведь и сам был когда-то мальчишкой. Сделал хоть раз какую-нибудь глупость, а, констебль?

- Да кучу раз. Но чего-то подобного творить точно не стал бы, и не представляю, какой бы мальчишка стал бы.

- Может, белый и не стал бы. И послушай, Тинн, я ничего такого в виду не имею. Тебя-то я знаю. Ты-то парень нормальный. Только цветной – это вовсе не то же, что белый. Уж это тебе известно. Где-то в глубине души – так уж наверняка. Чёрт возьми, есть ведь такие вещи, от которых никакой цветной не удержится, и я считаю, неправильно держать на вас, цветных, зло за любую ерунду, какую бы вы ни совершили. Мальчишки-то ни о чём дурном и не помышляли. Просто поозоровать охота взяла. Ну, знаете, это как найти дохлую рыбу и таскать её за собой за хвост.

- Дохлая рыба – это вам не женщина, – сказал папа.

- Да, но не кажется ли тебе, что парочка цветных ребят отлично провела бы время, развлекаясь с голой негритянской девчонкой?

- Доктор, – сказал папа, – вы пьяны. Вам бы погулять где-нибудь, проветриться.

- Да всё со мной нормально.

Доктор Тейлор, который до этого молчал, проговорил:

- Доктор, похоже, вы и впрямь хлебнули лишку. Надо бы мне отвести вас домой.

- На черта? - ответил доктор Стивенсон. - И сам управлюсь!

Слышал я о том, как его жена подала на развод и сбежала, а так как он всегда казался мне злобным как гадюка, то не сказать чтобы я её в чём-то винил.

- Вам бы передохнуть, - посоветовал доктор Тейлор.

- Мне и тут прекрасно отдыхается, да где хочу, там и буду!

Я заметил, как доктор Тейлор посмотрел на папу и покачал головой, как бы показывая, что извиняется.

- Не желаю вас тут видеть, - заявил папа. - Ступайте куда-нибудь да протрезвитесь.

- Чё сказал?!

- А я что, неясно выразился? Ступайте куда-нибудь да протрезвитесь.

- Значит, так ты со мной разговариваешь перед этими цветными ребятами?

- Эти люди уже много лет как не ребята. А разговариваю я только с вами, и точка.

- Это уж всяко за рамками твоих полномочий!

- Я разве сказал что-то про арест? Седлайте коня да скачите в жопеня!

- Я на машине.

- Это фигура речи такая, болван вы этакий!

- Болван? Ты меня болваном назвал?!

Папа обернулся и двинулся на доктора Стивенсона.

– Назвал. Я только что назвал тебя болваном. Прямо в лицо. Сейчас. Здесь. Будто мало того, что у нас тут женщину убили, и притом убил не какой-нибудь там долбаный ягуар. Будто этого мало? Нет, надо ещё сцепиться нам тут над её мёртвым телом! Убирайся, пока я тебе волшебного пенделя не прописал!

– Да я ещё никогда...

– Немедленно. Прочь. Тейлор, выставьте его за дверь.

Доктор Тейлор дотронулся до руки доктора Стивенсона, но тот её отдёнул:

– И без собаки-поводыря обойдусь!

И, видимо пытаясь выказать дух противоречия, доктор Стивенсон молодецки отхлебнул виски из горла и, пошатываясь, направился к выходу. Прямо перед дверью обернулся и пригрозил:

– Я этого тебе не забуду, констебль!

– Что ж, я-то про тебя уже, считай, позабыл, а как только сгинешь за дверью, так совсем позабуду.

Доктор Стивенсон помедлил, потом объявил:

– Ну, в таком случае я вас покидаю. Посмотрим, что вам удастся выяснить у этого мальчишки. Поверить не могу – как это вообще степень доктора дали цветному? Для меня ты никакой не доктор, ниггер! Слышишь?

– Идите уже, – сказал доктор Тейлор.

– Оставь меня в покое, – огрызнулся доктор Стивенсон. И вышел за дверь.

Я взглянул на Ричарда, затем на Абрахама. Оба расплылись в улыбках. Мы опять прильнули к дыре.

- Вы уж за него простите, - вздохнул доктор Тейлор. - У него ведь жена сбежала. До сей поры так и не оправился.

- Он не из тех, кто может оправиться.

- Это я его уговорил приехать, - сказал доктор Тейлор. - Подумал, может, подсобит чем-нибудь. Ну и, кажется, мне самому было любопытно.

- Весьма признателен, - ответил папа. - Но вам бы лучше за ним приглядеть.

Его слова прозвучали как любезность, но папа явно хотел, чтобы доктор Тейлор тоже убрался из ледохранилища.

- Ладно, - кивнул доктор Тейлор и удалился.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Крупнейшая на тот момент американская компания сетей розничной торговли, первой придумавшая доставлять почтой товары, заказанные клиентами по почтовым каталогам (здесь и далее прим. перев.).

Купити: <https://telnovel.me/dzho-lansdeyl/poyma>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)